

◆

**ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
ЛЕТ В ОКОПАХ
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

◆

АРКАДИЙ В. УЖАНОВ

12+

Аркадий Ужанов

**Двадцать пять лет в
окопах холодной войны**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ужанов А. В.

Двадцать пять лет в окопах холодной войны / А. В. Ужанов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05071-6

XX век — это эпоха знаковых событий в истории России. Великая Отечественная война, прогремевшая чуть ли не следом за гражданской, мирное, но от этого не менее упорное противостояние СССР и Запада, укрепление государственных границ, гонка вооружений и, наконец, развал великой державы. «Двадцать пять лет в окопах холодной войны» — это история большой страны глазами разведчика Аркадия Ужанова, капитана первого ранга, оперативного офицера агентурной службы разведки ВМФ. Вместе с Аркадием Ужановым читатель пройдет морскими путями по всему постсоветскому пространству и даже побывает на Кубе.

ISBN 978-5-532-05071-6

© Ужанов А. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От студента до капитана 1-го ранга	5
О дереве – по корням	14
Достойный сын своих родителей	33
Превратности службы русского разведчика	41
Мирное детство в военные годы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

От студента до капитана 1-го ранга

Я понимаю, что от меня требуется сухое перечисление фактов и цифр, т. е. краеугольные камни моей жизни и службы.

Однако наличие времени, жизнь, богатая событиями, желание вспомнить «былое и годы» подвигли меня на написание более пространный повествования, из которого могут почерпнуть сведения как «историки», так и «лирики».

Чехов в начале XX века утверждал, что «русские любят свое прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего».

Так вспомним любимое прошлое.

Я, Ужанов Аркадий Викторович, родился 30 сентября (знак зодиака – Весы) 1929 года (год Змеи) в городе Ленинграде, в семье врача и командира Красной Армии.

По национальности я, в принципе, русский, но об этом подробнее несколько ниже.

В раннем детстве я мечтал быть пожарником, потому как шикарные красные машины и красивые медные сияющие каски. Потом взгляды пересмотрел и решил стать «военным бандитом». Одновременно любил играть блюдцами. Возил их по столу и, как вспоминали родители, приговаривал: «Еся один пароход идет туда, то другой пароход идет сюда».

Наизусть знал известные строки Маршака:

Мистер Твистер, бывший министр,

Мистер Твистер, миллионер,

Владелец заводов, газет, пароходов,

Мистер Твистер приплыл в СССР.

В детской книжке с этими стихами я злорадно пририсовывал на иллюстрациях расисту Мистеру Твистеру усы, бороду и строил другие каверзы.

Из дальнейшего повествования легко заметить, что я сам, не ведая того, в детстве предопределил свой жизненный путь. Все сбылось: морская служба, военная разведка, казни против заокеанского «мистера».

Фото 1. Школа Юнгов ВМФ, окончание подготовительного курса. Аркадий Викторович Ужанов. 1949

Детство мое протекало, как и у всех ребятшек: детсад, школа, ребячьи утехи, шкода. Исключением являлось, разве что, непрерывные путешествия нашего семейства с отцом-военным по разным городам и весям нашей страны в Европейской части, а также в Сибири и на Урале.

В 1945 году, в возрасте 15 лет, я вступил на стезю военной службы длительностью 35 лет, основными этапами которой являлись:

– 1945—1949 гг. – воспитанник Горьковского, Бакинского (Калининградского) военно-морских подготовительных училищ (Фото 1 выше);

– 1949 г. – принятие военной присяги;

– 1949—1950 гг. – курсант 2-го Балтийского высшего военно-морского училища, г. Калининград;

– 1950—1951 гг. – матрос теплосиловых установок Балтийской военно-морской базы;

– 1951—1955 гг. – курсант 2-го Балтийского высшего военно-морского училища, г. Калининград; училище окончил, получив диплом «с отличием». Специальность – офицер корабельной артиллерии;

– 1955—1956 гг. – слушатель Высших специальных офицерских классов при высшем военно-морском инженерном радиотехническом училище, г. Гатчина Ленинградской области. Специальность – офицер радиотехнической разведки;

– 1956—1964 гг. – Морской радиотехнический отряд ОСНАЗ разведки штаба Балтийского флота, г. Калининград, где последовательно занимал должности командиров групп разведки средств радионавигации, средств радиолокации, морской подвижной группы ОСНАЗ; начальника направления – заместителя начальника Центра обработки и анализа информации (ЦОН);

– 1964—1967 гг. – начальник штаба Морского радиотехнического отряда ОСНАЗ, начальник направления – заместитель начальника ЦОИ Морского радиоразведывательного отряда (МРО). Разведки штаба Тихоокеанского флота, г. Петропавловск-Камчатский;

– 1967—1971 гг. – старший помощник оперативного дежурного Разведывательного управления Главного штаба ВМФ, оперативный дежурный разведки ВМФ – старший помощник оперативного дежурного Центрального командного пункта главнокомандующего ВМФ СССР, г. Москва;

– 1971—1973 гг. – в расторжении главного разведывательного управления (ГРУ) генерального штаба ВС СССР. Советник Разведывательного управления генерального штаба революционных вооруженных сил Республики Куба, г. Гавана;

– 1973—1974 гг. – слушатель высших академических курсов при Военно-дипломатической академии в СССР, г. Москва. Специальность – агентурная разведка;

– 1974—1980 гг. – в распоряжении ГРУ, оперативный офицер агентурной службы разведки ВМФ, одновременно специалист одного из гражданских министерств СССР, г. Москва.

В 1980 г., на 51 году жизни, при 31 календарном годе выслуги (34 года с льготами), в звании капитана 1 ранга уволен с воинской службы по возрасту со всеми причитающимися по статусу льготами, медалями и благодарственным адресом министра обороны СССР.

Как видно из приведенного выше послужного списка, всю свою офицерскую службу, с первого и до последнего дня я состоял в разведывательных органах ВМФ и ГРУ Генерального штаба ВС СССР. О чем не только не жалею, но и счастлив этим обстоятельством. Горжусь тем, что 25 лет находился на, действительно, передовых рубежах обороны Родины и принес ей своим незаметным трудом, я надеюсь, много полезного.

Я горжусь, что 25 лет занимал достойное место в «окопах Холодной войны». Сидел и посматривал в «прорезь прицела» на американцев и прочих там разных шведов. При этом я не испытывал по отношению к ним никакой злобы или патологической ненависти, понимая, что они занимаются своим делом, а мы своим. То есть врагами они для нас не были, а являлись соперниками и всего лишь вероятными противниками. И, конечно, каждый из них, с кем приходилось встречаться на приемах или других мероприятиях как внутри нашей страны, так и за рубежом, представлялся мне нормальными парнями, без упертости в свои империалистические ценности.

Отсюда вывод: каждый нормальный человек признает в первую очередь общечеловеческие ценности, а затем уже служит своей Родине, тому общественному и государственному устройству, которые его взрастили и воспитали, при которых ему хорошо. А идеология в чистом виде – это уже дело другое.

Служба моя, естественно, была весьма энергичной, интересной, насыщенной разными событиями и встречами с различными людьми, расширяющей видение жизни, мира, соприкасающейся со многими сторонами человеческой деятельности и знаний как научного, так и прикладного характера.

Используя крылатую фразу, могу сказать, что на службу я ходил каждый день как на праздник.

И, в самом деле, не каждому и не каждый день приходилось:

- противодействовать военно-политическим устремлениям США и стран НАТО;
- выявлять направления осуществления 25-летнего плана ЦРУ США по развалу Советского Союза;
- участвовать в пресечении попыток иностранных разведок в проникновении на нашу территорию или ведения операций в непосредственной близости советских границ;
- определять исходные данные для Политбюро ЦК КПСС с целью выработки политики Советского Союза по отношению к спору Англии и Испании о принадлежности Гибралтара;
- способствовать пониманию Советским Союзом процессов, идущих в странах третьего мира;
- уточнять биографические данные и политические пристрастия руководителей некоторых государств;
- добывать (в том числе воровать) образцы военной техники и вооружений иностранных государств;
- участвовать в широкомасштабных «играх» с американской разведкой;
- изучать в непосредственной близости, в том числе внутри ордеров, действия авианосных ударных и противоядерных соединений и групп;
- наблюдать за деятельностью передовых военных группировок США и НАТО, наращиванием их состава, подготовкой к ведению боевых действий и нанесению ударов или демонстрации силы в интересах решения военно-политических задач;
- отслеживать использование Вооруженных сил США и НАТО в районах постоянной оперативной деятельности, на постоянных рубежах и маршрутах патрулирования, в ходе маневров, учений и специальных операций;
- обеспечивать правительство Вьетнама подробнейшими данными о сроках начала и порядке использования сил при вторжении американцев на их территорию;
- способствовать Генеральному штабу Кубы в организации деятельности его Разведывательного управления в добывании информации, ее обработки и анализа военно-политической обстановки вокруг острова;
- участвовать в обеспечении скрытности действий советских подводных лодок, в том числе атомных ракетных на боевом патрулировании;

– в случае аварий подводных лодок (правда, редких) обеспечивать прикрытие района бедствия от иностранных кораблей и самолетов, уточнять причины аварий, в том числе искать по всему миру возможных участников столкновения, а также выявлять меры США, направленные на доступ к затонувшей лодке;

– принимать участие в подготовке общественного мнения зарубежных стран к официальным визитам советских руководителей;

– курировать вопросы подготовки и вывода за рубеж разведчиков и агентов. В случае провалов (также несчастных) участвовать в разработке мер по сглаживанию международных скандалов и возвращению наших людей;

– докладывать военно-политическую обстановку самым высоким государственным, а также высшим военным должностным лицам;

– использовать возможности целого гражданского Министерства СССР в интересах сбора информации по всему миру.

В решении всех этих вопросов мне приходилось принимать участие в той или иной степени.

Моему определению в разведывательную службу способствовали два обстоятельства:

1. Перед выпуском из Училища, когда готовились приказы об окончании, присвоении офицерских званий и назначении будущих лейтенантов, приехали представители разведки ВМФ («покупатели»). Им, конечно, были нужны наиболее способные люди, поэтому они собрали всех курсантов-кандидатов на золотые медали и красные дипломы (в их числе был и я) и предложили, не вдаваясь в подробности, службу в разведке Военно-морского флота.

Поскольку мы были молоды, и в каждом из нас сидела жажда новизны, приключений, дух авантюризма (а разведывательная деятельность в значительной мере, чтобы ни говорили, сопряжена с авантюризмом), то многие из нас, в том числе и я, изъявили согласие.

2. Будучи на морской практике, после 3-го курса, я повстречался со своим приятелем из 3-го выпуска Леонидом Гордиенко и послушал его рассказы о лейтенантской службе и суждения о жизни. Так вот, молодой лейтенант, командир группой зенитных автоматов на эскадронном миноносце «Зорки», имея в заведывании большую часть верхней палубы корабля, за год службы получил в виде взысканий 400 суток ареста. И все при каюте. Отсюда вывод: он месяцами не видел берега, а молодая жена – его.

Это были суровые времена укрепления воинской дисциплины маршалом Жуковым, и среди флотского люда ходила байка: «Над флотом – повис сапог». На кораблях стали внедряться порядки, не вписывающиеся в вековые традиции русского флота.

Я, женившись на 4-м курсе, решил не испытывать судьбу и пойти служить на берегу, хотя был истинным моряком и артиллеристом, приверженцем корабельной службы и моря.

Возможная перспектива годами наблюдать за жизнью на берегу из иллюминатора корабельной каюты толкнула меня в объятия спецслужб.

Вот такое раздвоение личности. С одной стороны, люблю море, с другой – боюсь моря.

Фото 2. Аркадий Викторович Ужанов, лейтенант. 1955

Воинские звания я получал своевременно, в соответствии с установленным порядком:

- 1955 г. – лейтенант (Фото 2 выше);
- 1957 г. – старший лейтенант;
- 1960 г. – капитан-лейтенант;
- 1965 г. – капитан 3 ранга;
- 1969 г. – капитан 2 ранга;
- 1974 г. – капитан 1 ранга (Фото 3 ниже).

Фото 3. Аркадий Викторович Ужанов, капитан 1-го ранга. 1974

Награжден кучей медалей, но все – за выслугу лет и юбилейные. Служил, будучи офицером, все время успешно. Серьезных нарушений и проколов не имел. Постоянно поощрялся, в том числе министром обороны и председателем Совета министров СССР. Но персональным награждением орденами за какие-то конкретные дела, операции удостоен не был. Правда, три-

жды представлялся к орденам, но во всех случаях представления растворялись где-то в штабах флотов и в маскарадном отделе ЦК КПСС.

Конечно, я был членом КПСС с 1956 г. и до ее бесславного развала в 1991 г., обусловленного предательством Горбачева и прочих Яковлевых. Из партии я не выходил, заявлений не писал, партбилет на стол не клал. Принадлежностью своей к Коммунистической партии Советского Союза я гордился и горжусь по сию пору. Никаких комплексов, ощущения вины или неудобства за деятельность партии, а тем более за свою в связи с ней, я не имею. Я преданно служил своему народу, советскому строю и Коммунистической партии, которые вырастили меня, выучили, вывели в люди, по возможности обеспечивали всем необходимым. Каких-то ущемлений, ограничений свобод, каких-то химер, о которых талдычат сейчас на каждом углу, я не испытывал. Конечно, государство наше было достаточно авторитарным, партия рулила жестко. Но, может быть, это было и оправдано с учетом нашей российской специфики и вечной расхлябанности, нашего места в мире, партийных принципов. В то же самое время начиная с конца 40-х годов, когда я начал что-то соображать, и до самого развала СССР я не нахожу чего-либо преступного или антинародного в деятельности партии и государства. Наоборот, страна вышла победительницей из жесточайшей войны, успешно восстанавливала экономику, боролась с последствиями, может быть, и неоправданных репрессий, начала массовое жилищное строительство, улучшила положение крестьян, снижала цены. Да, у нас был низок уровень практических свобод, но основная часть населения этого и не ощущала, потому что не доросла еще до них. Свободы нужны были тем, кто изгалялся, кто хоть как-то был обижен советской властью, партией.

Мне, например, демократии всегда хватало. А какой-то ее недостаток для меня был обусловлен рамками воинской службы, а не обстановкой в стране. Я несколько не страдал от того, что гомосексуалисты и лесбиянки преследовались по закону, наркоманы носа не высовывали; что людей, не имеющих право носить это звание, приговаривали к смертной казни; что по телевидению не показывали порнографию; что бандиты не чувствовали себя вольготно на улицах, а чиновники, в том числе военные, не воровали миллионами и миллиардами, что природные ресурсы и средства производства находились в общегосударственной собственности.

Да, мы видели ошибки и упущения, недостатки в развитии страны. Но это был криминал. Это были болезни роста, поиска правильных путей. Сомнения в их правильности были у многих всегда, и особенно они усилились, когда Хрущев обнародовал новую программу партии с целью построения коммунизма к 1980 году. Но, к сожалению, подавляющая часть населения никакого влияния на происходящие процессы оказывать не могла, да и не хотела. Так же, как и сейчас.

Как отозвался на происходящее теперь поэт Евтушенко:

«Свобода наша – враг свободы
и не способна на любовь.
За все умноженные годы
нам униженьем платит вновь».

Я уже говорил, что обожал воинскую службу, свою принадлежность к флоту. Одновременно мне нравилась партийная и общественная работа. Так уж я устроен. Редкий год я не выполнял каких-либо руководящих партийных функций. Избирался секретарем партийной организации отряда, членом партийного бюро Управления, части, партгруппоргом.

Первые девять лет, когда я имел в подчинении личный состав срочной службы, естественно, был руководителем групп политических занятий. На Кубе осуществлял политическое просвещение жен советских офицеров и генералов, работающих в кубинском Генеральном штабе.

Все эти обязанности я выполнял инициативно, с выдумкой и, я бы даже сказал, с полной и некоторой показухой. Что в то время считалось нормой. Даже старый морской волк – заме-

стителю командира отряда по политической части – смотрел на меня восхищенно и говорил одобрительно: «Ну и лакировщик же ты, Аркадий Викторович! Но не подкопаешься». В этой связи я был у него в фаворе и все время куда-то выдвигался: секретарем, депутатом, кандидатом, членом, участником, представителем и т. д.

Далее я перейду к более подробному изложению.

Но прежде всего я настаиваю на том, что держу пальму первенства среди выпускников нашего Училища, по крайней мере, первых четырех выпусков, а может быть, и в целом по двум вопросам:

1. Длительности и трудности пути к офицерским погонам.

2. Наличие двух дочерей, каждая из которых «подарила» дедушке и бабушке по паре внучат-близнецов. Младшим сейчас по 12 лет (оба мальчика), живут в Москве, старшим – по 21 году (мальчик и девочка), проживают в Мельбурне, Австралия.

Да, я забыл одно уточнение. Дело в том, что к своему 31 году календарной службы я без ложной скромности (не для военкомата, а для собственной души и справедливости) прибавляю 4 года Военно-морского подготовительного училища. Ведь это, несмотря на статус воспитанника, та же воинская служба, та же форма, те же воинские уставы, та же воинская дисциплина, то же несение дежурной и караульной службы с ружьем, та же практика на кораблях.

Итого – 31 календарный год военной службы, из них 25 лет – в «окопах холодной войны».

Теперь немного «седой истории».

О дереве – по корням

Генеалогия нашей семьи по моей линии просматривается с XVIII века.

Поколение предков, о котором нам известно достаточно мало, – это мои бабушка и дедушка (рождения около 1870-1875 гг.) по линии матери – Михайловы, уроженцы г. Луга под Петербургом.

Корни их родословной уходят вглубь веков.

Бабушка моя по матери, Надежда Осиповна, была из обедневшего рода князей Хмельницких (Фото 4 ниже), который дал, однако, России на рубеже XIX и XX столетий адмирала, известного капитана дальнего плавания и исследователя (не отсюда ли мои «морские» гены), видных государственных чиновников и прочих деятелей.

Фото 4 Хмельницкий Осип (прадедушка Аркадия Викторовича). 1850

Корни бабушкиной фамилии, в которой замешана кровь многих европейских народов, берут начало на Украине.

Известно, что Украина в средние века являлась центром политических и экономических устремлений многих государств: России, Австро-Венгрии, Польши, Германии, Франции, Турции.

В XVII веке Украина под руководством Богдана Хмельницкого присоединилась к России. Нет достаточных оснований считать именно этого гетмана своим предком. Видимо, наши Хмельницкие были другой ветвью этого семейства или, вообще, самостоятельным родом с однозвучной фамилией.

Однако известно, что общественные и политические процессы на Украине с присоединением к России не утихли. Наоборот, провоцируемые различными заинтересованными государствами разгорались с новой силой. Русские цари, начиная с Петра I, использовали в борьбе

с украинским национально-освободительным движением политику кнута и пряника. Народные, крестьянские волнения жестоко подавлялись, а правящую украинско-польскую знать не трогали. Знатных людей цари отправляли в ссылку, но не в Сибирь, а в центральные губернии России, в том числе под Петербург. Им жаловались поместья, сохранялись все привилегии. Но они находились поближе к царю и под надзором.

Таким образом, один из наших далеких предков, один из князей Хмельницких в XVIII веке появился под Петербургом и возглавил Лужский уезд.

Я держал в руках и читал письмо «Его Превосходительству, князю Хмельницкому» из архива моих родителей, которое, к сожалению, не сохранилось. В письме, датированном 1812 годом, высокий царский сановник сообщал князю, что в соответствии с высочайшим повелением в г. Луге необходимо организовать «военную гошпиталь» для солдат, раненных в боях с французами. Одновременно давались указания по организации госпиталя и его, говоря современным языком, материально-техническому обеспечению.

Далее известно, что один из князей Хмельницких в середине XIX века женился на немецкой баронессе. Это были мои прадедушка и прабабушка по материнской линии.

Фото 5. Мария Валентиновна Михайлова, Михайлов Евгений Аркадьевич (67 лет). 1974

Видимо, наличие немецкой крови обусловило то, что мой дядя Михайлов Евгений Аркадьевич (Фото 5 выше), в отличие от многочисленной родни со славянской внешностью, имел западноевропейский облик и аристократические черты. Он был сухощав и подтянут, обладал мягкими чертами характера, но был тверд в отстаивании своих принципов и решений. Был высоко эрудированным и чрезвычайно интеллигентным человеком. Знал немецкий и французский языки, поскольку вместе с мамой моей воспитывался боннами и гувернантками, хорошо

играл на рояле, скрипке, виолончели. Закончил Ленинградский политехнический институт. Затем, уже в 30-е годы, учился в Гейдельбергском университете в Германии. Там же стажировался на заводах концерна «Цейс». До Великой Отечественной войны и в ходе ее работал на известном в мире Ленинградском заводе ГОМЗа (Государственный оптико-механический завод), где дослужился до должности главного инженера. Это было для меня странно, ибо дядюшка, в отличие от многих сверстников, никогда не состоял в партии большевиков, но зато обучался в Германии. Но, видимо, в этом случае талант перевесил партийную принадлежность и прочее. После войны он трудился консультантом на одном из московских предприятий Министерства среднего машиностроения, связанном с освоением космоса.

Кстати, с именем дядюшки связан один интересный эпизод из моей жизни. Его перед прорывом блокады Ленинграда отозвали для работы в Москву. Он приехал голодный, изможденный, еле держащийся на ногах к нам. В квартире никого не было, ибо мы с мамой находились в эвакуации, а отец – на службе. Его дядюшку заметила у дверей одна из соседок, которая, узнав, кто он и откуда, проявила сердоболость и повела его к себе кормить. Сварила ему манную кашу и что-то еще.

Надо сказать, что соседка еще была и завучем школы, где я учился. В силу моего шустрого характера мне приходилось частенько бывать в ее кабинете. После этого случая она кричала мне: «Хулиган! Я твоего дядю выкормила, а ты безобразничаешь!»

Зато, когда я стал появляться в родительском доме в званиях различных рангов, она обязательно заезжала в гости. И тут же звонила какой-нибудь приятельнице: «Софочка, я обещала тебе позвонить, но сейчас я не могу говорить. У меня гость. Мой бывший ученик. Представляешь, был таким шалопаем, а стал блестящим морским офицером. Ага, капитан 1 ранга. Это что-то вроде сухопутного полковника, но только выше. Ага, молодой, симпатичный, весь в орденах (имелись в виду мои медальные планки)». Вот такие дела.

Бабушка моя, Надежда Осиповна (Фото 6 ниже), окончила Смольный институт (Институт благородных девиц) и в начале XX века вышла в г. Луга замуж за будущего моего дедушку – Михайлова Аркадия Александровича. В 1905 г. родила мою матушку – Тамару, в 1907 г. – дядю Евгения.

Теперь о дедушкиной генеалогической линии, которая будет покороче.

В боях за матушку-Россию при обороне Севастополя в Крымской кампании (1853-1856 гг.) отличился крестьянский сын, дослужившийся до фельдшера, – Александр Михайлов. Он работал со знаменитым русским врачом, основателем военно-полевой хирургии Пироговым.

Фото 6 Хмельницкая Надежда Осиповна. 1910

За воинскую доблесть и ратные подвиги он был награжден Георгиевским крестом, высочайшим повелением ему присвоено офицерское звание, жаловано дворянство и дарована небольшая деревенька, которой он лишился уже вскорости, при отмене крепостного права в 1861 году.

Сына своего – Аркадия Александровича (моего деда, Фото 7 ниже) – он направил по своим стопам и определил в петербургскую Военно-медицинскую академию, которую тот с блеском и окончил. После окончания академии дед избрал гражданскую службу и был направлен на работу в г. Лугу под Петербургом, где он и родился. Создал уездную больницу и впоследствии был избран земским врачом Лужского уезда. В годы Первой мировой войны дед был призван на военную службу и назначен начальником санитарного поезда. С учетом военно-медицинского образования, статуса земского врача и опыта работы ему было присвоено воинское звание полковник.

Фото 7 Михайлов Аркадий Александрович. 1895

Революционные преобразования дед принял спокойно и также спокойно встал на сторону народа, заняв принадлежащее ему по праву место главного врача Лужской уездной больницы. В годы борьбы с сыпным тифом дед был инфицирован, заболел и умер. После смерти его детище – Лужская больница – названа именем доктора Михайлова.

Полковничье звание деда чуть не стало роковым в моей военной карьере. В 1951 г., во время одной из проверок вещей и бумаг в курсантских столах, была найдена фотография моего деда в рост, при шашке, эполетах, орденах и прочей атрибутике. Сотрудники «особого отдела» (военная контрразведка КГБ) долго требовали объяснений, почему я не отразил факт службы деда в царской армии в биографии и анкете по учету кадров. Я им доказывал, что я этого и не обязан был делать, ибо в анкете требовалось привести сведения о родителях и родных братьях и сестрах. И более ни о ком. Но, несмотря на это, меня продолжали прессовать. И дело могло кончиться плохо, вплоть до отчисления из училища. Но тут вовремя подоспела бумага из Ленинградского КГБ, где говорилось, что мой дед был заслуженным человеком не только при царе, но и при советской власти.

Фото 8. Тамара Аркадьевна Михайлова. 1947

Матушка моя, Михайлова Тамара Аркадьевна, родилась в 1905 г (Фото 8 выше). Закончила Ленинградский медицинский институт, избрав специальность акушера-гинеколога. Всю свою жизнь, где бы она ни находилась (а география наших поездок по стране вместе с отцом была обширна), работала, посвятив себя заботам о здоровье матерей и новорожденных. Многие последние годы она заведовала клиникой научно-исследовательского института, была главным акушером-гинекологом Москвы, Московской области. У нее лечились многие видные женщины нашей страны, жены ответственных функционеров партии и государства, известных деятелей культуры. Между прочим, будучи в эвакуации во время войны, матушка очень быстро выросла от врача-ординатора через заведывание отделением узловой больницы до начальника врачебно-санитарной службы Южно-Уральской железной дороги. Получила звание железнодорожного генерала. Мои приятели шутили, что в нашей семье нарушена субординация: папа – полковник, а мама – генерал.

Фото 9. Натан Викторович Ужанов, Аркадий Викторович Ужанов, Валерия Петровна Ужанова. 1971

Мой младший брат – Натан Викторович – также продолжил медицинскую линию нашего рода и стал врачом – детским психиатром (Фото 9 выше). Кстати, его имя, полученное в память безвременно погибшего друга отца, всегда вызывало интерес у окружающих. Часто на крутых изломах военной карьеры меня допрашивали суровые генералы и адмиралы – члены разных мандатных комиссий, почему у отца отчество Францевич, меня зовут Аркадий, а брата – Натан. Это при том, что по анкетам мы числились русскими. Да и на самом деле были таковыми. Ну что тут можно было объяснить бдительным поборникам чистоты наших рядов? Трудно!

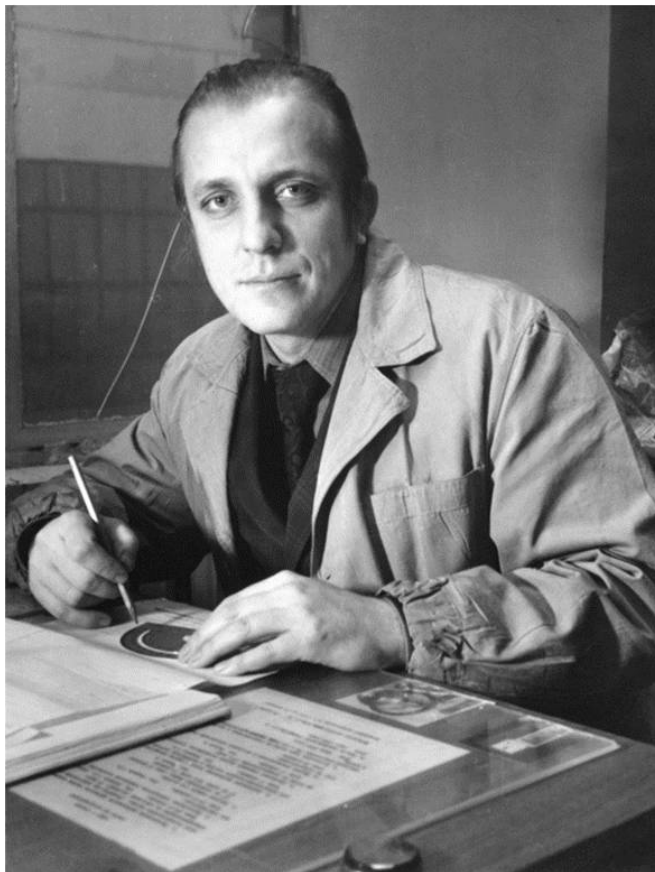

Фото 10. Вячеслав Викторович Ужанов. 1974

В семье моих родителей был и третий сын – приемный, Вячеслав Викторович (Фото 10 выше). Он был дальним родственником постоянной прислуги моих родителей, которая прожила в нашей семье всю свою жизнь, с молодости до старости. Тетя Фима, как ее звали, носила еще одно домашнее, ласковое имя – Люленька (Фото 11 ниже). Она была равноправным членом нашей семьи и пользовалась любовью всех ее членов, особенно детей. Поскольку дети, т. е. мы, воспитывались ею, а не вечно занятыми родителями.

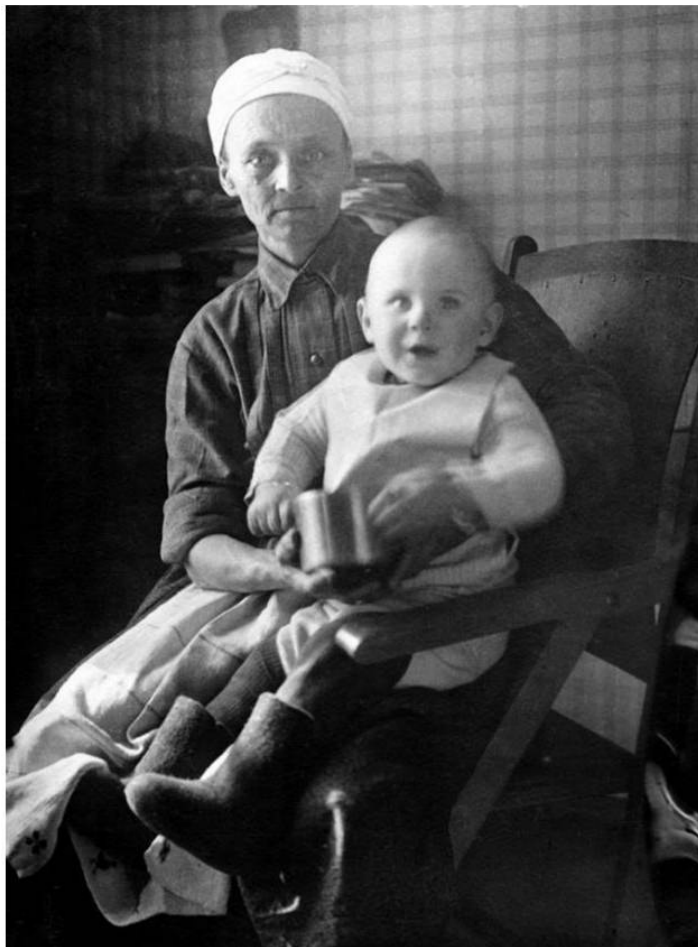

Фото 11. Няня Люленька и Аркадий Викторович Ужанов (1 год). 1930

Так вот. Во время Отечественной войны ее племянник потерял родителей и был взят на воспитание в нашу семью. Он оказался хорошим парнем. Окончил Московский инженерно-физический институт, его аспирантуру. Он долгие годы работал на одном из московских заводов, производящих ядерное топливо, в том числе для кораблей советского ВМФ.

Фото 12. Ужанов Виктор Францевич, отец Аркадия, полковник артиллерии. 1950

По линии моего отца, Ужанова Виктора Францевича, родившегося в 1904 г. в Гатчине под Петербургом, родословная просматривается плохо (Фото 12 выше). Согласно озвученной легенде, мать его была дворцовой прачкой, а отчим – садовым рабочим в дворцовом парке Гатчины. От отца внятных ответов на вопросы о родне получено не было. Но, судя по разным тетушкам, сестрам и прочей родне, которые жили исключительно в дворцовых городах – Пушкине (Царское село), Гатчине, Петергофе, и имели весьма представительные дома, все тут не так просто. Да и детские и юношеские годы отца – как в тумане, несмотря на его рассказы и прочитанную биографию. Где-то в годы Первой мировой войны он лишился родителей, переехал из Гатчины к родственникам в Лугу. Там он, известно, перебивался случайными заработками, в том числе пас коз. Но почему-то учился в гимназии, где познакомился и подружился с нашей будущей мамой. И почему-то был принят в уважаемом доме ее родителей, где сновали повара и кучера, гувернанты и горничные.

После окончания школы отец работал электромехаником на одной из электростанций под Петербургом. Затем учился на рабфаке Ленинградского политехнического института, после чего продолжил образование в Военно-инженерной артиллерийской академии имени Дзержинского в Ленинграде. С окончанием академии стал одним из первых высокообразованных командиров Красной армии новой волны. Работал военпредом на ряде крупнейших металлургических заводов СССР, связанных с производством боеприпасов. По узкой специализации он был металловедом.

В 1937 г., на волне «обострения классово-борьбы» и обновления кадров был назначен как «молодой и подающий большие надежды специалист» на ответственную должность начальника «Технической инспекции» Наркомата боеприпасов СССР. Мы переехали из Сталинска, где отец трудился военпредом на Новокузнецком металлургическом комбинате, в Москву.

Надо сказать, что эта инспекция руководила военной приемкой на всех предприятиях наркомата и была связующим звеном между НКБ и наркоматом обороны (через Главное артиллерийское управление РККА). О значимости новой отцовской должности говорило хотя бы то

обстоятельство, что она была обеспечена персональным служебным автомобилем. В те годы это был «М-1» или в просторечии «Эмка».

Как ни странно, отец проработал на этом посту все предвоенные годы и всю войну. Это во времена, когда за любой не взорвавшийся на фронте снаряд могли поставить к стенке, сочтя это происками «врагов народа».

Покинул он это кресло уже после войны, когда началась реорганизация Советской армии и военной промышленности. Наркомат боеприпасов был преобразован в Министерство сельскохозяйственного машиностроения. Но отцу пришлось уйти несколько ранее и не по своей воле.

Дело в том, что по итогам Отечественной войны готовились указы о награждении предприятий военной промышленности и их работников. Конечно, отец принимал непосредственное участие в их подготовке. Когда указы были подписаны Сталиным, отцу позвонили из ЦК КПСС и сообщили об этом. И тут он совершил роковую ошибку. Поторопился впопыхах. Еще до вступления указов в законную силу, что определяется их опубликованием в «Ведомостях Верховного Совета» и других центральных изданиях, отец дал телеграмму в г. Сталинск: «Поздравляю комбинат Орденом Ленина, директора Белана – Героем социалистического труда». Телеграмма, пришедшая по служебным каналам связи отца с подчиненными военными прислаками, была перехвачена КГБ, и соответствующим руководящим инстанциям было сообщено, что такое должностное лицо превышает свои служебные полномочия. Этого хватило для того, чтобы были сделаны организационные выводы. С должности отец был снят. Не мытьем, так катаньем.

Дело в том, что КГБ-НКВД давно подбиралось к директору комбината Белану и моему отцу, когда он руководил там военной приемкой. В 1935-1937 гг. на комбинате шло много брака. Лучшие люди завода бились над этой проблемой, но она не решалась. Брак по-прежнему шел, особенно зимой. Управление НКВД Сталинска было в курсе событий и подозревало руку «врагов народа», а директора комбината и старшего военпреда – в бездействии и попустительстве. Это тогда было модно. У руководства завода и военной приемки началось неприятное выяснение отношений с НКВД и наркоматов.

Но в один прекрасный день, после бесчисленного числа опытов и исследований, группа специалистов, возглавляемая директором комбината и моим отцом, прозрела. Они помнили, что брак всегда присутствовал со дня пуска комбината, и что ошибка, видимо, – в технологическом процессе. И они нашли эту ошибку. Отливки болванок снарядов из цеха, формовки шли по конвейеру протяженностью несколько сот метров в цех обработки, расточки снарядных корпусов. Конвейер пролегал по открытому воздуху с тем, чтобы болванки быстрее остывали и по прибытии в цех обработки были готовы к дальнейшей работе с ними. Вот в этой быстроте остывания и таилась ошибка. При быстром остывании в корпусах возникали пузырьки, трещины, что и вызывало брак. Изыскания привели к тому, что над конвейером построили крытую галерею, и в нее стали подавать горячий воздух из доменных печей. Процесс остывания заготовок был замедлен, брак – сведен к нулю.

Отец получил орден и был переведен в Москву, директор комбината стал академиком, заслуженным металлургом СССР. НКВД осталось без обширного участка работы и не смогло продолжать разоблачать директора и моего отца как пособников врага. Но хамство они затаили и где-то через десять лет отомстили.

Кстати, будучи бессильными опорочить преданных стране и грамотных специалистов, они, сотрудники НКВД, пускались во все тяжкие. Придумывали разные каверзы. У Белана был арестован и сгинул бесследно первый заместитель. Отцу однажды подстроили, причем топорно, автокатастрофу. В следующий раз пытались столкнуть его с высоты в чан с жидким металлом. Использовались любые методы. Так, мы с мамой, катаясь на лыжах в окрестностях Старокузнецка, случайно забрели на тщательно охраняемую, но не огороженную территорию

артиллерийского склада. Я маме сказал, что впереди замечательная горка и неплохо бы с нее съехать, что мы и сделали. При этом скатились прямо к воротам подземного хранилища с неизменным часовым. Тут же мы были задержаны и допрошены, кто такие и почему здесь оказались. Отпустили нас только тогда, когда за нами приехал отец. НКВД тут же попыталось сделать из мухи слона. Как же, члены семьи начальника военной приемки одного из главных предприятий города проникают на секретный объект. Но и этот номер не прошел. Потом оказалось, что в НКВД Сталинска тоже было много своих «врагов народа».

После ухода из НКБ отец продолжал служить в различных органах Министерства обороны, связанных с военной промышленностью. Уволен он был на пенсию в конце 50-х годов в звании полковника, с полным иконостасом орденов и медалей. Так же как и я впоследствии, с уходом на пенсию занялся строительством дачи. Правда, в отличие от меня, он еще и работал длительное время в Государственном комитете стандартов СССР.

Фото 13. Тамара Аркадьевна Михайлова, Аркадий Викторович Ужанов, Люленька, Натан Викторович Ужанов, Вячеслав Викторович Ужанов, Ужанов Виктор Францевич. 1950

Таким образом, родители мои принадлежали к новому поколению российской интеллигенции, сочетающему дворянскую культуру и традиции, высокое образование с новым образом мышления и бытия (Фото 13 выше). В доме родителей никогда не употреблялись спиртные напитки, никто не курил. Во время встреч друзей все музицировали, читали стихи, пели классику, русские романсы. Отец, несмотря на недостаточную ясность его происхождения и дружескую кличку «козявий пастух», был высокообразованным человеком. Прекрасно пел, играл на скрипке, хорошо рисовал и писал стихи, глубоко знал историю государства российского, историю средних веков и древнего мира со всеми их атрибутами. С упоением занимался фотографией.

Наряду с этим, он гордился своим командирским званием, принадлежностью к Красной армии и высокопрофессиональным делом, которым он занимался. Он всегда, даже на отдыхе,

с достоинством и любовью носил военную форму, был подтянут, вежлив, предупредителен и чрезвычайно коммуникабелен. При моих попытках доказать отцу, что он не совсем военный человек с его нарядами и прочими шрапнелями, он говорил: «Орел ты, Аркаша, но сразу видно, что тебя воспитывал боцман с дудкой». И, как бы в укор моему поколению военных, он и его друзья при встрече, прежде чем подать руку и обняться, «брали под козырек»! Комментарии излишни.

Удивительно, но факт, что в годы «сталинских репрессий» и в Великой Отечественной войне наша семья и многочисленная родня не потеряли ни одного человека. Редкий случай.

Жена моя, Ужанова (в девичестве Лунева) Валерия Петровна (Фото 14 ниже), родилась в 1931 г., в г. Ростове-на-Дону. Ее родители, вероятно, были выходцами из определенных состоятельных слоев населения, о которых в советское время не принято было вспоминать. Поэтому исторические корни ее покрыты мраком.

Фото 14. Ужанова Валерия Петровна. 1950

Жена закончила Калининградский торговый техникум, работала бухгалтером в различных организациях, в том числе ревизором в Горпромторге. Убоявшись работы в торговой сфере, что является делом скользким, пошла учиться в Калининградский педагогический институт, на физмат.

Поженились мы в 1954 году, когда оба были на выпускных курсах. С тех пор неразлучны и счастливы около 50 лет.

Жена объездила со мной и детьми все места моей службы внутри страны и за рубежом, где не только трудилась, но и выполняла большую общественную работу. Всегда и везде работала: учителем математики, физики, завучем школы, инспектором городского отдела народного образования, председателем райкома профсоюза учителей, ответственным работником Центрального совета профсоюзов.

Много сделала для отстаивания прав и интересов трудящихся: учителей, работников высшей школы и научных учреждений. С этой целью объездила все регионы страны. Забиралась подчас в такую глухомань, о которой я и представления не имел. Награждена медалями и кучей грамот как от гражданских, так и военных властей. Имеет звание «Заслуженный учитель СССР». При советской власти получила статус «персонального пенсионера». Сейчас на этот статус плюют, как будто Валерия Петровна защищала интересы не трудящихся, а кучки партийных боссов или какой-нибудь бандитской группировки.

Характер Валерия Петровна имеет беспокойный – я бы сказал, суетливый (Фото 15 ниже). Все время куда-то рвется, в груди клокочет жажда бурной деятельности. Очень быстра на руку и на ногу. Энергичная и деловитая. Все хочет сделать сама и как можно скорее. Любит, чтобы вокруг нее все плясало под ее дудку. Чтобы делалось то и так, как она считает необходимым. Очень любит телефон и бесконечные разговоры по нему. Добрая и отзывчивая, готовая помочь всем делом или хотя бы словом. Некоторые называют ее проповедником. За участливое отношение и стремление что-либо присоветовать. При этом советы даются по любому вопросу и поводу, без подготовки. Знай наших! Мы «можем» все! Не завистлива и старается, чтобы всем окружающим было хорошо.

Фото 15. Аркадий Викторович Ужанов, Валерия Петровна Ужанова. 1950

Жутко заботливая мать и бабушка. За своих детей и внуков готова любого разорвать. В том числе и родного мужа, т. е. отца и дедушку.

Абсолютно категорично отрицательно относится к алкоголю и тем, кто его принимает в том или ином виде. Через что я всю жизнь подвергался обструкции и систематическим ограничениям в этом деле. Благодаря нему, как говорит бабушка, дедушка и вышел в люди.

В последнее время стала приобщаться к религиозной тематике. Раньше это за ней не замечалось.

Верит во всевозможные гадания магов, чародеев, экстрасенсов, народных целителей с необъяснимой методикой лечения. Верит во сверхъестественные силы и прочую атрибутику, связанную с ними.

Любит всякие таинственные истории, неопознанные явления типа НЛО и прочие загадки мироздания, природы, истории и человеческой деятельности.

Обладает острым умом и наблюдательностью. Быстро соображает и так же быстро реагирует на события. Меня она знает вдоль и поперек. По-моему, знает даже, о чем я думаю. Одним словом, тоска. Никакой конспирации соблюсти невозможно.

Обожает звездное небо и наблюдения за ним. Мечтала изучать астрономию и профессионально заниматься этими вопросами. Самое вожаделенное желание: иметь хотя бы скромный телескоп. Но, к сожалению, финансы поют романсы.

Как пионер-следопыт увлекается распутыванием разных криминальных, полукриминальных и просто темных историй. Проявляет всегда и во всем бдительность: по отношению к незнакомым и подозрительным людям, неясным событиям. Выступает инициатором установки стальных дверей, кодовых замков, хитрых запоров, преград для лихих людей.

Ценит и поддерживает идеальный порядок в квартире, на даче. Лучше недоспит, недоест, но постирает, уберет, помоет, протрет. Также тщательно следит за собой и своими домашними. На даче все поражаются чистотой и порядком в двух домах, и на участке, и также в различных подсобных помещениях. Поражаются потому, что у самих на территории и в домах полнейший разгром: везде какие-то ящики, мешки, сумочки, коробочки, узелки, пакетики, баночки, бутылочки и прочая дребедень. У нас этого нигде нет, и Валерия Петровна ослабевает, входя в такое захламленное помещение.

Оснований для упреков в измене за все годы супружеской жизни у меня по отношению к жене нет.

Но в мой огород ею было набросано много камней. Она ревнива, как сто чертей, и всю жизнь внимательно приглядывала за моей линией поведения. И, надо сказать, слабину не давала. Иногда бывали такие смешные случаи: просыпаемся утром.

– Я с тобой не разговариваю!

– ??? Почему?

– Я видела сон, как ты с бабами общался.

– А я-то тут при чем? Сон-то о бабах видела ты.

– Но с бабами-то общался ты.

Ну что тут скажешь?

Или такой пример. Наша приятельница, Александра Васильевна Басанец, при пользовании ванной обронила золотую сережку с бриллиантом. Сережка проскочила в сливное отверстие, под решетку. Меня отрядили на помощь. Одного. В самый разгар извлечения сережки раздается телефонный звонок. Требуют к телефонной трубке меня:

– Ты почему так долго не подходишь?

– Так я там то-се.

– А почему так тяжело дышишь?

– Так я там то-се.

– Ладно, дома разберемся.

Хохма. Ну, прямо сказка про Красную Шапочку, бабушку и серого волка.

Зато такие психологические тренинги укрепляли нервную систему.

Обе наши дочери родились в Москве, в Институте акушерства и гинекологии в Лепехинском тупике, у бабушки:

старшая – Тамара в 1955 г. (Фото 16 ниже),

младшая – Елена в 1964 г.

Старшая дочь закончила Московский педагогический институт. Работала учителем в Москве и Монголии. Вышла замуж, родила двух детей, развелась. С трудом перенесла «гласность» и «перестройку», не выдержала «демократических преобразований» и ельцинских «реформ» и в 1994 г. уехала вместе с детьми прямо в «логово капитализма» – в Австралию. Вышла замуж. Живет сейчас так, как будто там претворена в жизнь последняя программа нашей партии, обещавшая коммунизм. Это не слухи. Я очевидец.

Фото 16. Тамара Аркадьевна Баррасс (Ужанова) на даче. 1987

Младшая дочь получила специальность инженера-гидростроителя в Московском гидро-мелиоративном институте (Фото 17 ниже). Трудилась в московском НИИ «Союзгипроводхоз». Вместе с мужем 3 года работала на строительстве второй нитки канала Волга-Дон. В настоящее время из-за не востребоваемости молодых специалистов и ненужности нашему родному «демократическому» государству образованных людей торгует одеждой на рынке в Лужниках. Имеет свое небольшое дело. На практике постигает реалии «бандитского капитализма».

Фото 17. Строгино. Аркадий Викторович Ужанов, Елена Аркадьевна Жукова. 1980

Я с гордостью говорю о своих предках и о нашем поколении, с горечью – о детях и с тревогой – о внуках. Правда, не о всех. Старшие внуки уже твердо встали обеими ногами на жизненный путь (Фото 18 ниже). Внучка, Катя, учится на факультете компьютерного дизайна Мельбурнского университета и одновременно подрабатывает менеджером по недвижимости в фирме отчима. Внук, Максим, работает по вольному найму в одном из австралийских военных учреждений, осуществляя ремонт компьютеров и разработку программного обеспечения. Кстати, внучок за неделю получает зарплату, равную более чем годовой пенсии бабушки.

Фото 18. Макс Баррасс, Аркадий Викторович Ужанов, Катрин Кук. 1984

О младших внуках – Алеше и Антоне – говорить еще рано (Фото 19 ниже). Но их светлые головки, стремящиеся к познанию, умелые ручки, тянущиеся к самостоятельному труду, их приверженность компьютеру вселяют надежды.

Фото 19. Осень, Москва, Каховская. Катрин Кук, Антон Дмитриевич Жуков, Валерия Петровна Ужанова, Алексей Дмитриевич Жуков, Макс Баррасс. 1989

Таким образом, можно заметить, что на протяжении последних полутора веков в нашем роду основными видами деятельности являлись военная служба и медицина. На рубеже XX и XXI веков зарождаются новые специализации: учительство и компьютерный менеджмент.

Достойный сын своих родителей

Теперь несколько слов о себе. В том смысле, как я оцениваю себя, свои качества. Без ложной скромности должен сказать, что нахожу в себе больше положительных черт, нежели отрицательных.

Рос я бойким и энергичным парнишкой. С молодецкой удалью и достаточной долей авантюризма. Был подвижным и отважным, но осторожным. Мог нашкодить, но склонности к хулиганству не имел.

Характер покладистый. Умел дружить и выручать товарищей. Недаром в училище имел кличку «братишка».

По природе я бесконфликтный человек. Не люблю противостояния, свар, выяснения отношений. В этой связи дрался на кулаках всего один раз в жизни, в детстве. Помнил мудрые слова о том, что умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Всегда любил быть «на коне» и не любил проигрывать. Поэтому в азартные игры не играл. И даже шахмат сторонился, хотя играл неплохо.

Как на службе, так и в быту брался за решение вопросов и проблем, которые мог успешно решить.

Обладал упорством и настойчивостью. Если уж взялся за что-то, то, будьте уверены, обязательно сделаю. Дожму, додавлю как танк. Не мытьем, так катаньем. Поэтому считался всегда и везде надежным парнем, на которого можно положиться.

Вообще, я считаю обязательность одним из главных качеств нормального человека: взялся – сделай, не можешь – извести. Наряду с этим я впитал в себя народную мудрость, которая гласит, что на воинской службе в ответ на приказание надо сказать «есть», не впадая в рассуждения и пререкания.

Всегда и везде я стремился сделать дело как можно лучше. С «пометой» и выдумкой, даже с элементами показухи. Чтобы дело-то было видней. Это касалось и служебной деятельности, и домашних дел. Например, на даче к нам по сию пору ходят экскурсанты, восхищаясь внешней и внутренней отделкой домов, камином, печами, гаражом, теплицей, планировкой участка, бассейном, мраморными дорожками, фонтанами, качелями, садовой подсветкой. А ведь все это сделано своими руками, без привлечения строительных организаций и шабашников.

Люблю порядок как на службе, так и дома. Всегда все планирую. Помечаю, что нужно сделать, доложить, достать, купить, перевезти, отремонтировать.

Свою деятельность на каждом новом месте службы начинал с обозначения функций моего участка ответственности, уточнения обязанностей подчиненных, обновления руководящей и учетной документации.

Видимо, эти мои качества были замечены еще в училище, где я последовательно занимал должности командира отделения, старшины класса, помощника командира взвода, старшины роты. Командир роты мог не беспокоиться за порядок в ротных помещениях, чистоту, заправку коек, наличие бирок на одежде, кроватях, противогазах, содержании ружейных пирамид и самого оружия, карабинов и палашей, за несение дежурной и дневальной служб в роте. Командир роты мог полностью сосредоточиться на задачах учебного процесса и воспитательной работы с курсантами. Капитан 3 ранга Андриющенко говаривал перед строем курсантов: «Вот вам бог, царь и воинский начальник на каждый день – старшина роты. А мое появление в роте должно быть для вас праздником».

В целом я всегда был коммуникабельным, жизнерадостным и доброжелательным. Поэтому даже разгильдяи, которых приходилось наказывать, редко обижались на меня.

К спорту я относился прохладно. Ничем особо не увлекался, даже как зритель. От утренней физзарядки предпочитал сачкануть. Однако суровая училищная действительность требовала занятий спортом. И как-то с испугу я заработал 3-ий спортивный разряд по бегу – 1000 м, плаванию – 100 м, гимнастике (Фото 20 ниже). Значит, какие-то спортивные задатки у меня имелись.

Фото 20. Аркадий Викторович Ужанов (второй слева) участвует в эстафете в качестве курсанта. 1948

С детства я неплохо рисовал, обладал приличным художественным вкусом, поэтому являлся неперенным участником выпуска стенгазет, изготовления стендов и прочей наглядной агитации.

Как ни странно, любил слагать стихи. Конечно, поэтом я не был, но графоманом считался неплохим. По любому поводу и случаю мог сочинить вирши. По сию пору у меня хранится тетрадь, содержащая стихотворные в юмористическом стиле характеристики всех одноклассников. Этот труд создавался в содружестве с моим школьным товарищем Виктором Павловым, который также баловался стишками.

Не чурался я и прозы. Обладал ясностью мысли, грамотностью и четким пониманием законов построения любого жанра. В этой связи чисто писал доклады своим начальникам, ответственные отчеты, справки, сводки, донесения. Подчас документы, разработанные мной, читались в самых высоких кабинетах, вплоть до Политбюро ЦК КПСС.

Культура разработки документов, изложения материалов, оформления бумаг находилась у меня на высоком уровне. С русским языком я тоже справился, хотя в школе с ним было плоховато, на «троечку». И только на 3-м курсе Подготовительного училища преподаватель Павловская открыла мне законы русского правописания, грамотного изложения мыслей на бумаге. Одновременно привила любовь к русской литературе, к классике. Я очень благодарен Павловской за ее кропотливую возню со мной, в том числе на дополнительных занятиях. В течение жизни многократно с признательностью вспоминал Павловскую, ее труды и заботу.

Между прочим, обладая живым восприятием действительности и приличной грамотностью, я сотрудничал с газетами и журналами, в том числе публиковался в «Страже Балтики». Довольно часто помещал на страницах периодики свои очерки, заметки, фотографии, кроссворды.

С тех времен и по сию пору питаю особое пристрастие к кроссвордам. Это отличное, особенно на склоне лет, средство самоутверждения, гимнастики для ума. Разгадаешь кроссворд и счастлив. Значит, жив еще; значит, еще что-то соображаешь. Таким образом, тормозишь усыхание мозговых извилин.

Кстати, о фотографии. Азам этого искусства меня учил отец. Учил в век колченогих штативов, гармошечных фотоаппаратов, черных накидок и птичек, вылетающих из объектива. При этом он обращал внимание не только на технические вопросы, но и на художественную сторону фотографирования, прививая мне репортерские качества. Благодаря отцовской науке я научился прилично снимать, обрабатывать пластинки и пленку, делать отпечатки. Пользоваться различными дополнительными прибабасами. Это сейчас все просто. Нажал кнопку «мыльницы», вспышка, щелчок объектива, и неси пленку в салон «Кодак», откуда получишь прекрасные цветные фото.

Отцовская наука здорово помогла мне в дальнейшем, на службе, когда приходилось осваивать длиннофокусные фотоаппараты, корабельную и авиационную фототехнику, киноаппараты, применять видеокамеры и другие устройства. С удовлетворением могу заметить, что многие снимки, сделанные мной, размещались в справочниках по иностранным флотам, авиации, технике и вооружению, издаваемых ГШ ВМФ и Генштабом МО СССР. А фотосъемка и описание военно-морской базы США на Кубе Гуантанамо, выполнявшееся в детективном жанре, вообще, были уникальными.

Говоря о фотографии, я отметил роль моего отца в моем увлечении фотографией. Но, надо сказать, что отец стоял у истоков многих моих знаний и умений. Будучи высокообразованным человеком, он не был снобом и белоручкой-теоретиком. Он обладал множеством практических умений и навыков. Все это передалось мне на генном уровне, а также в ходе общения, в процессе совместного решения разных вопросов. Мы с отцом были очень дружны, и наши интересы удивительно совпадали.

В дальнейшем знания и навыки, полученные в семье, были дополнены и развиты на воинской службе. Ведь чем только ни приходилось заниматься, какие только задачи ни решались в курсантские и офицерские годы. К примеру, овладение различными видами транспортных средств. В училище я получил навыки управления кораблем. Одновременно твердо усвоил науку хождения на шлюпках на веслах и под парусами. Овладел в совершенстве яхтами. Спасибо кафедре морской практики. Получил удостоверение командира шлюпки и права яхтенного капитана. В дальнейшем имел свой личный швертбот, кстати, построенный собственными руками. На училищной практике приходилось стоять у штурвала крупных кораблей, в том числе парусных.

Впоследствии научился водить мотоцикл и автомобиль. С 1949 г. гонял на отцовском «Москвиче-401», а затем «Победе». Моим правам на управление автомобилем – 50 лет.

На службе приходилось управлять тяжелыми грузовиками, гусеничными транспортерами-вездеходами. При определенных условиях осваивал самодвижущиеся аппараты подвод-

ного плавания («подводные мотоциклы»). Пытался осуществить парашютный прыжок и прошел подготовку. Но в последний момент, уже в воздухе, спасовал и от прыжка отказался. И тем более, он для меня не был обязательным. Что, впрочем, не освободило меня потом от прибауток товарищей.

Многогранные знания и навыки помогли мне обходиться в жизни без привлечения посторонних мастеровых. Я на достаточно профессиональном уровне выполняю работы бетонщика, каменщика, штукатура, маляра, плотника, столяра, стекольщика, слесаря, сантехника, печника, плиточника, дизайнера, в том числе ландшафтного, автослесаря, кролиководы, птицевода. Мог слегка портняжничать и сапожничать.

Обладея пытливым умом и острым взором, я всегда стремился к познанию нового, даже если оно и не имело для меня практической ценности в данный момент.

К немногим вещам, которые я не одолел, относятся часы и радиотехника, электросварка. Электроника как теоретически, так и практически оказалась для меня темным лесом. Из числа морских наук я не мог освоить «морзянку». Не воспринимал ее ни на слух, ни зрительно. Каким-то чудесным образом умудрился сдать зачет. Но знать я ее не знал и не знаю. Мне кажется, что основная ошибка моя в этом вопросе заключалась в том, что я пытался считать «точки» и «тире», слыша их в радиоэфире или видя вспышки сигнальных фонарей. Осознание этого пришло позже, когда «поезд уже ушел».

У меня был острый ум, умение быстро оценивать складывающиеся ситуации, делать правильные выводы.

Я имел уравновешенный характер, завидную выдержку. Вывести меня из равновесия, что называется «завести», было трудно. Никогда, ни в каких критических, даже трагических случаях, не терял самообладания и не поддавался панике. Хорошо владел своей психикой. Умел выкручиваться, выходить из безнадежных ситуаций. Поэтому ко мне и моему другу со второго выпуска Виктору Бежанову, обладавшему таким же даром, всегда обращались курсанты, даже со старших курсов, за психологической помощью и практическими советами в трудных случаях. Большинство курсантов называло нас с уважением, некоторые неодобрительно. «Ужанов, Бежанов, Можаяев и К^о». Но, так или иначе, свою нишу в курсантском сообществе мы держали уверенно.

Конечно, я участвовал в художественной самодеятельности. Что-то читал со сцены. Пел в хоре под руководством Ивана Смелова, плясал в танцевальном коллективе Роберта Пашина. При этом чувствовал себя весьма уверенно. Зато моя будущая жена – Лера – всегда во время моих выступлений пряталась под кресло. Ей казалось, что я обязательно провалюсь на сцене или в переносном смысле слова, или в буквальном.

Я уже говорил, что считал себя хорошим моряком и служакой. Одновременно являлся и неплохим строевиком. Всегда был опрятен и подтянут. Однако, любил травленные (осветленные хлоркой) гюйсы (форменные воротники), брюки клеш, ушитые форменки и переделанные бескозырки. Но все это в меру.

Имел зычный командирский голос, четкую дикцию. Хорошо знал воинские уставы, стремился выполнять их сам и того же требовал от подчиненных.

Конечно, любил и гордился своей флотской формой, носил ее с достоинством. Правда, многие долгие годы мне приходилось из-за специфики службы облачаться в гражданское платье.

Мне очень нравилось проводить строевую подготовку с ротой, осуществляя различные перестроения на месте и на ходу. С удовольствием участвовал в разных строевых смотрах и парадах.

Трудолюбия и усидчивости мне было также не занимать. Мог часами и днями заниматься одним и тем же делом, подчас весьма кропотливым. При этом не раздражался и не впадал в уныние, если что не получалось сразу.

С удовольствием решал различные трудные вопросы, любил что-нибудь проворачивать. Обожаю «доставать», а не покупать. При этом иногда при жестком их сопротивлении, как это было в случае с начальником кафедры тактики Героем Советского Союза капитаном 1 ранга Коноваловым. Он долго топал ногами, гнал из кабинета, говорил что-то о наглецах и обормотах, но, в конце концов, сдался, достал из сейфа билеты и дал их переписать. Одним словом, все получалось и сходило с рук.

Учился я, как правило, хорошо, о чем свидетельствует диплом «с отличием» за полный курс Высшего военно-морского училища. Правда, в «аттестате зрелости» по окончании Подготовительного училища была одна тройка.

По складу ума я, скорее, гуманитарий. И именно гуманитарные науки и предметы давались мне легче, чем естественные. Из нескольких десятков оценок за полный курс Высшего училища почти все отлично. И только по четырем предметам я получил четверки: высшей математике, физике, химии и теоретической механике. Как видно из перечня, это точные науки из сферы общего высшего образования. То ли у меня мозгов на них не хватило, то ли я предполагал, что они мне никогда не пригодятся. Что, впрочем, и случилось.

Интересно, что среди чисто военных и морских наук было много сложных предметов, где широко использовались математические, физические, химические и термеховские выкладки. К ним можно отнести теорию устройства корабля, навигацию, астрономию, основы взрывчатых веществ и порохов, теорию артиллерийской стрельбы, приборы и правила управления огнем корабельной артиллерии и многие другие. И по всем этим предметам я имел пятерки. Потому, что интересно и потому, что нужно в будущей корабельной службе. Нашему интересу к этим наукам способствовал и блестящий преподавательский состав. Почти все преподаватели были высокообразованными офицерами, настоящими моряками, профессионалами, прошедшими суровую школу Великой Отечественной войны.

Что стоит один только капитан 1 ранга Тархов. Дворянин, еще при царизме окончивший Морской кадетский корпус. Он преподавал нам общую и мореходную астрономию. Был крупным теоретиком и практиком определения места корабля в море, в невидимости берегов. За разработку специальных астрономических таблиц для определения места корабля по высотам небесных светил удостоен Сталинской премии. Но особо в науке и в службе он не продвинулся. Видимо, мешало его прошлое. Мы, курсанты, уважали его и ценили. Он был асом мореходной астрономии. Обмануть его в этом деле было невозможно. Например, будучи с нами на практике и проводя занятия по определению места корабля по солнцу, он четко отличал самостоятельную работу от халтуры, сделанной «обратным ходом». Работенка эта, надо сказать, была нудная, хотя и таилась в ней своя поэзия.

Для расчетов имелись специальные таблицы. В них заносились результаты замеров высоты солнца через определенные интервалы времени, точное астрономическое время, параметры движения судна. Потом все эти данные обрабатывались с помощью астрономических таблиц, таблиц логарифмов, дифференцировались, интегрировались, интерполировались, экстраполировались, и на выходе получалось место корабля в море, характеризующееся географическими координатами – широтой и долготой. Мы же, стремясь упростить свою работу, брали у штурмана корабля широту и долготу и обратными вычислениями подтасовывали все цифры и числа. В результате получали высоту солнца. Наш «отец родной» усекал жульничество с первого взгляда. Хотя внешне таблица как таблица, все графы заполнены, высоты солнца есть, широта и долгота имеются.

Зная любовь Тархова к спиртному, на экзаменах мы всегда наливали в графин вместо воды водку. Перед началом экзамена он выпивал полстаканчика «воды», удовлетворенно крякал и раскладывал билеты строго по порядковой нумерации. Что открывало нам путь для разных комбинаций и успешной сдачи экзаменов.

Он нас частенько беззлобно ругал за какие-либо проделки. В ответ мы интересовались, неужели капитан 1 ранга такой безгрешный и никогда не совершал оплошностей. Он утверждал под наш дружный хохот, что в жизни совершил три ошибки:

- во-первых, стал морским офицером;
- во-вторых, женился на балерине;
- в-третьих, пошел нас, дураков, учить.

И, вообще, он рассказывал нам много интересных и поучительных баек. Разных хохм за ним числится большое количество, все не упомнишь и не перескажешь.

Молва приписывает ему такой эпизод. Во время часа обязательных физических занятий офицеров капитан 1 ранга Тархов сидел на скамеечке в парке училища и готовился к очередной лекции. Следует заметить, что Тархов был одним из самых старших офицеров училища. Я думаю, ему было за 50. Начальник училища контр-адмирал Филиппов, обходя свои владения, вышел на Тархова и поинтересовался, почему тот не на занятиях. Тархов молча сунул адмиралу в руки свой портфель и фуражку, выжал стойку на руках на спинке скамейки. Опустился и сказал адмиралу: «Вот когда ты, сынок, сделаешь так, тогда я буду ходить на занятия спортом». Тридцатилетний адмирал обалдел.

Интересно, как различными методами и способами нам прививалась любовь и необходимость глубины и разносторонности знаний. Помню, проходил летнюю практику на крейсере «Свердлов». Пришли мы на мелкий ремонт в Ленинград, на Балтийский завод. В это время подошла пора сдавать зачет по устройству корабля. Главный боцман крейсера мичман Добровольский погонял меня по тактико-техническим данным корабля. В смысле – водоизмещение, осадка, длина, ширина, высота борта, мачт, мощность, вооружение и его возможности, размещение помещений и т. д. Затем вывел меня на верхнюю палубу и начал тыкать в разные железяки: что, зачем, почему? Ну все я ему рассказал. Ответил на все вопросы: о якорях и цепях, брашпилях и румпелях, леерах и кнехтах, рымах и шпигатах и прочих там абгалдерах. Мичман сказал, что высоко ценит мое усердие в изучении корабля и готов поставить пятерку. И поставит. Если я отвечу на последний вопрос: сколько иллюминаторов на левом борту крейсера. Тут я поплыл. Он говорит: «Не беда, что не знаешь. Посчитаешь и будешь знать. Как посчитать? Прояви морскую смекалку». Пришлось идти к вахтенному офицеру, объяснять ситуацию, умолять его отпустить на пирс. Вахтенный офицер посмеялся над «причудами» боцмана и отпустил на берег, наказав сообщить число этих отверстий и ему, чего он не знает. Посчитал я эти проклятые иллюминаторы, докладываю мичману – 121. «Правильно, – говорит мичман, – ставлю тебе пятерку! Да, кстати, а сколько их на правом борту?» Я говорю, что столько же, сколько и на левом. Мичман говорит: «Брехня! Когда узнаешь, приходи за пятеркой». Тут я взмолился: «Товарищ мичман, ведь с правого борта корабля не пирс, и широкая Нева, на противоположном берегу которой шибко секретный завод, строящий подводные лодки. Ну как я посчитаю?» Он отвечает: «Я знаю, старшина, что ты отличник и на хорошем счету у своего начальства. Тебе нужна пятерка. Как будешь считать? Прояви морскую смекалку». Я решил схитрить. Взял в секретной части техническую документацию и посчитал на чертежах. Прихожу, докладываю – 123. Мичман сразу усек, откуда у меня это число, и пояснил, что во время одного из ремонтов количество иллюминаторов на правом борту изменилось. И что никто на корабле, включая командира, этого числа не помнит. Пришлось в очередное увольнение, когда мои товарищи отправились в кино, на танцы, тащиться на завод Марти. Благо на заводе тоже было много курсантов. И мне не составило большого труда пройти через проходную туда и обратно. Посчитал я эти иллюминаторы с помощью вахтенного офицера одной из подводных лодок. Молодой лейтенант с энтузиазмом включился в подсчет посредством бинокля. Их оказалось 122. Вернулся, доложил главному боцману. Мичман поставил мне пятерку, сказав, что из меня выйдет хороший офицер и что он согласился бы служить под моим началом, когда я дорасту до помощника командира крейсера. Он пролил мне елей на

душу. Ибо я в то время мечтал служить на крейсере, начиная с командира башни главного калибра, и дорасти до командира корабля. Вот такая ненавязчивая, но поучительная школа.

Кстати, с пребыванием на крейсере в этот раз связан еще один интересный случай. Напротив нашей стоянки, на другом берегу находились два судостроительных завода. В один прекрасный день работяги одного из заводов решили увести с другого завода огромный плавучий кран. Охранник, находившийся на вышке, не сумев остановить уплывающий кран, пальнул из своей «берданки». Пуля (какой-то «жакан») прилетела почему-то на наш корабль. Пробежала стенку кормовой надстройки, где находился кубрик личного состава, прошла несколько бушлатов на вещах и застряла в одном из рукавов. Я было расстроился такой незащищенностью одного из лучших советских кораблей. Но потом успокоился, осознав, что борта корабля, палуба, орудия, прочие надстройки на верхней палубе, имеющие боевое предназначение, все же прикрыты приличной броней.

Мое расположение к гуманитарным общественным наукам оборачивалось иногда ко мне нелицеприятной стороной. Был у нас такой предмет – партийно-политическая работа на флоте. На одном из семинаров (уже на выпускном курсе) по теме «Партийно-политическое обеспечение учебно-боевого похода корабля» я выступал с рефератом, доложив, как это надо делать. Заслужил отличную оценку и похвалу преподавателя. Но в конце второго часа какой-то черт потянул меня за язык, и я решил дополнить свое выступление сообщением о негативном опыте. В качестве примера привел случай, которому я был свидетелем во время практики опять же на крейсере.

Корабль проводил учебные стрельбы главным (152 мм) и универсальным (100 мм) калибром. Я входил в состав боевого расчета 100 мм спаренной стабилизированной установки универсального калибра на одном из бортов в средней части крейсера. Рядом находилась палубная надстройка, где размещались кубрики матросов, а также различные вспомогательные помещения. И вот во время одного из залпов главным калибром от мощного содрогания корпуса корабля открывается с грохотом запертая изнутри на ключ дверь «Ленинской комнаты». Внутри каюты сидят два старших лейтенанта, секретарь комсомольской организации и пропагандист корабля и играют в шахматы. Картинка будь здоров! Весь экипаж выполняет ответственные задачи, а отцы-командиры развлекаются, коротая время. Это было на самом деле, и об этом я без утайки рассказал. Что тут началось!

Преподаватель-то воспринял мою байку благосклонно. Но присутствовавший на семинаре заместитель начальника политотдела училища капитан 3 ранга Кочура возмутился. Он посчитал, что на престиж партийно-политических работников брошена тень, и решил заступиться за честь своей касты.

При этом я ничего плохого о политработниках и не думал. Будучи по натуре «лакировщиком» и любителем «помпы», я всегда находился в хороших отношениях с замполитами и другими работниками этой сферы. Но слова из песни не выкинешь. И Кочура раскрутил дело под флагом борьбы с дискредитацией политработников. Конечно, моя пятерка на семинаре в мгновение ока превратилась в двойку. Моя фамилия была изъята из списков претендентов на диплом с отличием. Я также был отстранен от исполнения должности старшины роты. Данные мне для вступления в партию рекомендации приказали отозвать. К чести моих поручителей – капитанов 3 ранга Шапировского и Андрющенко, они этого не сделали. Комсомольской организации предписали рассмотреть мое персональное дело в связи с недооценкой роли политических работников и попыткой их опорочить. Все было поставлено с ног на голову. Получалось, что это я играл в шахматы во время стрельб. И пытался свалить это на других. Вся эта вакханалия продолжалась три дня. Вернувшийся из командировки начальник политотдела училища капитан 1 ранга Пышкин оказался умнее своих подчиненных. Он внимательно выслушал и правильно понял моих заступников – командиров рот, начальника факультета и

его заместителя, некоторых преподавателей цикла общественных наук. Инцидент был исчерпан, справедливость восторжествовала.

Но этот случай стал для меня уроком на всю жизнь, подчеркивающим необходимость тщательного взвешивания фактов и подбора слов, предназначенных для постороннего слуха.

Превратности службы русского разведчика

Отношения мои с воинской дисциплиной в училище складывались по-разному. Я бы их разделил условно на два периода. Первый период – с 1945 по 1950 г. Подготовительное училище и первый курс высшего училища по «первому заходу». Особым разгильдяем я не был, но разные мелкие нарушения мог допустить. Конечно, замечания, а то и взыскания мешали нормально жить, служить и учиться; снижали самооценку. Противно было ощущать себя не в лучшей половине коллектива. Часто отбывать наряды вне очереди на помывке гальюна, строительстве бассейна. Были и более серьезные инциденты, связанные с дисциплиной, но об этом чуть позже.

Кстати говоря, в период обучения в Подготовительном училище я получил самое первое свое и самое дорогое поощрение. Дело было в Баку. Летом проходили шлюпочную практику в районе о. Нарген. Во время поворота «оверштаг» шкотом сбило за борт фуражку командира роты, бывшего командиром шлюпки. Я, недолго думая, вывалился за борт, доплыл до фуражки, водрузил ее себе на голову и вернулся к шлюпке, застопорившей ход. Командир роты Герой Советского Союза капитан-лейтенант Танский объявил мне благодарность «за морскую лихость». Я, полагаю, мало кто может похвастаться поощрением с такой формулировкой.

Второй период – с 1951 по 1955 гг., когда я вернулся в училище после отчисления на «второй заход». Тут я резко изменился. Во-первых, усвоил воспитательные уроки. Во-вторых, повзрослел. В-третьих, я пришел на курс, который был сформирован впервые из ребят с гражданки, а не из подготовительного училища. Многие из них были младше меня по возрасту и о море и воинской службе имели весьма отдаленное представление. Мне с моим 5-летним «флотским» опытом хотелось выглядеть среди них «старым морским волком», а не «салагой», тем более непутовой.

Что-то во мне «переключилось». Я стал отлично учиться, ладить с воинской дисциплиной. За четыре последних курсантских года не имел не только взысканий, но и замечаний. Командиры рот, руководство факультета, особенно заместитель начальника по строевой части капитан 2 ранга Конеев, не могли нарадоваться. Тут тебе и поощрения, и доска почета, грамоты и внеочередные отпуска, добрые и доверительные отношения. Я как мог отрабатывал свой новый, измененный в лучшую сторону статус, стремясь помогать командованию в наведении порядка как в роте, так и на факультете.

Служба моя офицерская протекала в целом успешно. Хотя на этом пути и встречались определенные трудности, шероховатости, какие-то осложнения, курьезы. Но серьезных промахов и нарушений я не допускал. В этой связи бесчисленное число раз поощрялся на разных уровнях. От непосредственных начальников до министра обороны и Совета министров СССР.

За 25 лет офицерской службы я получил всего 3 взыскания, все в первые два лейтенантских года:

1) 5 суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте – за нечищенные пуговицы на кителе;

2) 5 суток домашнего ареста – за курение на огневом рубеже в тире;

3) 5 суток домашнего ареста – за самовольную езду по территории части на служебном автомобиле. При этом я разметал любимую командирскую службу и чуть не сбил бюст Ленина.

На этом в деле молодецкой лихости, в том числе и морской, была поставлена точка.

Я бы мог подметить у себя и другие качества типа уверенности, практичности, целеустремленности, осторожности и т. д., но боюсь перехвалить себя. Когда сочиняешь такой опус, невольно вспоминаешь больше положительного, а не негативного. Тем более когда идет речь о молодости. Она всегда на склоне лет кажется прекрасной и лишенной каких-то темных оттенков.

И все же о целеустремленности. Мы с женой, подводя итоги прошлого, с удовлетворением отмечаем, что выполнили все Божьи заповеди относительно детей, домов, деревьев.

Одновременно констатируем, что всегда имели планы на ближайшую и отдаленную перспективу, всегда успешно добивались их претворения. К этим планам можно отнести:

- создать большую и дружную семью;
- вывести своих детей в люди и способствовать в том же внукам;
- мне стать морским офицером;
- служить в разведке;
- повидать мир, поработать за границей;
- добросовестно служить и работать;
- перебраться в Москву;
- жене работать в ВЦСПС;
- приобрести автомобиль;
- построить дачу;
- организовать свой быт на достаточно высоком и возможном для нас уровне.

Все это решалось не спонтанно, а тщательно планировалось и настойчиво осуществлялось. Никаких случайностей здесь нет.

Если говорить о мире, то мне удалось побывать практически во всех странах Европы, ряде государств Африки, в США, Канаде, Бразилии, Турции и на Бермудских островах. Вместе с женой мы работали на Кубе, жили в Австралии, бывали в Дубае, Таиланде, Вьетнаме, Пакистане. Жена посетила Болгарию.

Конечно, я обладал честолюбием. Но соотносил его со своими возможностями и окружающими реалиями. Мне, естественно, нравилось быть на виду, иметь высокие оценки своей деятельности, своевременно получать воинские звания, успешно продвигаться по служебной лестнице. Но я четко оценивал свои силы и, например, в адмиралы не рвался. Имел в виду некоторую свою ленцу, а также ограниченность вакансий в разведке.

Правда, однажды прошел слухок, что мне могут предложить должность начальника разведки Тихоокеанского флота. Почему-то искали такую фигуру не среди громких имен, а между обычными капитанами 1 ранга. Адмиралом быть хотелось, слов нет. Но, отслужив на Камчатке три года, я считал, что свой долг перед Дальним Востоком я выполнил. А тут представил: каждый день спозаранку стоять перед командующим или начальником штаба флота и докладывать обстановку. Опять же участочек работы: от Владивостока до Чукотки и весь Тихий океан. Куча специальных кораблей и береговых частей. Во всех из них пьют водку, ходят в самоволку, ломается техника, гибнут люди. Случаются брогары, международные скандалы. Нет уж, лучше подальше от таких дел. Ехать туда ни под каким соусом не хотелось. И, видимо, не зря. Назначенный на эту должность один из моих коллег, Гена, действительно через год погиб в известной авиационной катастрофе в Ленинграде вместе со всем командованием Тихоокеанского флота. Видимо, Бог оценил мою скромность. И отвел.

Должен сказать, что за годы службы осложнений у меня с органами и представителями нашей контрразведки не было. За исключением училищного случая с фотографией деда-полковника царской армии. Наоборот, существовали хорошие и тесные служебные и товарищеские отношения. Помогали друг другу словом и делом, обменивались информацией. Это помогало спокойно и ритмично работать и быть в курсе разных деликатных подробностей.

Так, например, мне стало известно, что начальник группы советских военных специалистов на Кубе генерал-лейтенант Крутских получил от начальника ГРУ генерала армии Ивашутина телеграмму с предложением оставить меня на острове на повторный срок по просьбе кубинской стороны и советского военного атташе. Генерал Крутских не вникал в существо моей работы и не хотел понимать, что я слуга двух господ (Главного развед. управления и управления по оказанию военной помощи иностранным государствам). Он считал, что я его

вассал и должен заниматься только выполнением его установок. ГРУ же было другого мнения, но в силу специфики работы не могло известить его об этом. В Москве были довольны моей двухлетней работой и уже предлагали службу в центральном аппарате, квартиру, очередную заграникомандировку. А мой генерал систематически делал мне замечания за встречи с резидентами ГРУ и КГБ, за частые посещения советского посольства, за общение с иностранными военными атташе, за предоставление информации в Москву по своим каналам связи, минуя его аппарат. Но, видимо, подспудно он понимал, что таков стиль работы разведки. Поэтому он деликатно сообщил Ивашутину, что я, дескать, отличный офицер, способный специалист, высоко ценюсь кубинцами. Получил практические навыки работы в непосредственной близости от главного вероятного противника. Хорошо знаю все его группировки, как говорится, на земле, в небесах и на море. И что мой опыт целесообразно использовать в структурах Генерального штаба. Вот так! Простенько и со вкусом. И овцы целы, и волки сыты.

С иностранными разведками и контрразведками я также неприятностей не имел. Но пара выходов на меня была. Первый – в Галифаксе, Канада. Мне подсунили пару членов Организации украинских националистов, пытавшихся прощупать, кто я такой и чем занимаюсь. Но я прикинулся таким дураком, что они даже не выразили никаких надежд на будущие встречи.

Второй случай – в Копенгагене, Дания. Отряд кораблей Балтийского флота был там с официальным визитом. На одном из фуршетов на крейсере я познакомился с двумя, как они представились, английскими офицерами ВВС, обучающимися в датской военной академии. Они быстренько вычислили, что я не являюсь офицером экипажа корабля, а вхожу в состав походного штаба. Вывели на меня «случайно» двух мужиков, говорящих по-русски. Как выяснилось впоследствии, членов антисоветской эмигрантской организации «Народный трудовой союз», систематически предпринимавших попытки вербовки наших людей. После фуршета я пригласил их на «чашечку кофе» к себе в каюту. По дороге этих «вербовщиков» сфотографировали. В каюте я включил скрытый микрофон. После пары «чашечек кофе» оба прослезились, стали клятвенно заверять, что они истинно русские люди. Что больше всего на свете любят свою родину – Россию. И хотели бы знать о ней как можно больше. При этом же не из газет, где все врут, а из первых рук, роль которых отводили мне. Обещали публиковать информацию (наверное, в газетенке «Посев»). Гонорары намеревались направлять мне. Я им сказал, что деньги меня не интересуют, чем немало их удивил. Одновременно подчеркнул, что «за так» работают только олухи. И предложил им компромисс: я им – информацию по Советскому Союзу и его флоту, они мне – об американских войсках и базах в Европе. Я шел ва-банк, потому что была на это санкция соответствующих инстанций. Мужики поняли, что к чему, и быстренько откланялись. На прощание я им сказал, что они знают, где меня найти, если надумают что путное. Но мужики не появились.

Имел я склонность к изучению иностранных языков. В школе проходил немецкий, в Подготовительном училище – французский. В высшем училище неплохо овладел английским, имел твердую пятерку. Участвовал в общеучилищных конкурсах по английскому, занимал призовые места. На Кубе, постоянно общаясь с местными офицерами и генералами, освоил испанский язык, тем более что многие из них учились у нас и прилично знали русский.

Конечно, я не знал испанский шикарно, но обсуждать любые темы, в том числе служебные, мог. Знал кубинские песни, поговорки, крылатые фразы, умел шутить с долей нашего русского окопного юмора. Через полгода пребывания на Кубе, имея личного переводчика – советского старшего лейтенанта, самостоятельно общался с местным людом. Переводчик, правда, всегда находился при мне и в случае чего помогал.

Мне при довольно широкой общей эрудиции и глубокой специальной подготовке приходилось все равно непрерывно учиться, что было обусловлено ролями, которые приходилось выполнять:

– сотрудник министерства;

- работник Академии наук;
- специалист НИИ;
- руководитель практики мореходного училища;
- дублер капитана;
- член, в том числе заместитель начальника научной экспедиции.

В свое время я участвовал в исследованиях в рамках Международного геофизического года, заседал на Международном океанографическом конгрессе в Нью-Йорке. Вникал в цели и аспекты исследований по американской десятилетней океанографической программе «Генок-61». Это потому, что руководитель этой программы адмирал Берд говаривал: «Землей будет владеть тот, кто владеет Луной. А Луной будет владеть тот, кто владеет глубинами морей и океанов». Может быть, тут он несколько перехлестывал. Но его программа была весьма обширна, глубоко научна и дорогостояща. Наряду с общими океанографическими и океаническими вопросами в программе отводилось значительное место военной составляющей. Изучались возможные маршруты выдвижения советских подводных лодок к американскому континенту, районы их действий на океанских коммуникациях. Одновременно исследовалась гидрофизика морей и океанов, определялись районы и разрабатывалась аппаратура постоянного слежения за перемещениями советских подводных лодок. Оборудовались рубежи наблюдения, перехвата и уничтожения лодок. Внедрялась система постоянного оповещения противолодочных сил США о состоянии водной среды и ее параметрах. К этой работе привлекались не только корабли, суда, авиация и учреждения военно-морского флота, береговой охраны. Использовались возможности смежных ведомств, министерства, располагающие плавающими единицами и самолетами, космические силы, научно-исследовательские лаборатории, ведущие институты и университеты США. Все это надо было знать, держать в голове и реагировать на каждый год с другой стороны Тихого и Атлантического океанов. За всем этим нужен был догляд. И мы доглядывали. Не только за состоянием и перемещением сил флотов США, их вооружением, но и за всеми научными разработками вокруг морей и океанов, вплоть до метеорологии.

В связи с упоминанием выше мысли о том, что все нужно было знать и держать в голове, я должен упомянуть еще об одном своем качестве. Я все любил раскладывать по полочкам.

На каждом новом участке работы я перелопачивал всю секретную и открытую литературу и документы и сразу же заводил специальный журнал, где в тематическом порядке группировал все вопросы с указанием документа, его номера и номера страницы. Со временем я это все запоминал. И на вопрос подчиненного, где взять тот или иной материал, я не говорил: «прояви морскую смекалку». Я называл документ, год издания и страницу.

Кроме того, у меня был журнал, куда я заносил все поступающие ко мне на исполнение или ознакомление документы. Телеграммы, даже телефонные переговоры и беседы как с начальниками, так и с подчиненными. Так что у меня под рукой всегда имелись точные аспекты текущей работы в документальном виде. Большую роль в жизни и службе играло такое качество, как находчивость. Оно помогало решать крупные и незначительные проблемы и выходить из сложных положений. Конечно, в службе их возникало бесчисленное множество. Но наиболее мне памятные эпизоды, связанные с сотрудниками ГАИ. В службе дело ясное и понятное, все знакомое и все знакомы, а тут – совсем другая сфера.

Да, вот так однажды еду в первом часу ночи с дачи домой. На пикете при въезде в Москву останавливают. Интересуются документами и скоростью, с которой я ехал. Я ответил, что давно знаю и сейчас видел знак, ограничивающий скорость движения 50 км/час. Но на спидометр ввиду спокойной обстановки не смотрел. Мне заявили, что я превысил скорость, и пригласили меня в здание поста ГАИ. На столе лежал радар. На табло радара высвечивались цифры «66». Явное нарушение. Но я сразу обратил внимание, что на индикаторе на жидких кристаллах плохо высвечивались нижние перемиčky шестерок. Я тут же взял радар, развернул его и

показал инспекторам. На табло четко просматривалось «44». Они на полном серьезе пытались доказать, что прибор находится «вверх ногами». Я же им ответил, что не знаю, как они меня замеряли, «вверх ногами» или вниз. Они оба расхохотались. Сказали, что любят находчивых людей и хорошую шутку. Вернули мне документы и пожелали счастливого пути.

В другом случае я припарковался на одной из московских улиц. Подошел скучающий инспектор-капитан. Потребовал документы. Для начала он выразил неудовольствие нарушением сроков прохождения техосмотра. Инспектор настаивал на том, что, пройдя осмотр в мае прошлого года, в июне текущего я уже не имею право использовать автомобиль. Тут он явно перегибал палку. Ибо, на самом деле, техосмотр проходится один раз в календарном году, в сроки, которые растягиваются самой ГАИ чуть ли не до конца года. Затем капитан придрался к тому, что я стою под знаком, запрещающим стоянку по четным дням. При этом он упирал, что сегодня четный день недели. Это был явный шантаж, поскольку четность и нечетность дня определяется порядковым числом месяца. Капитан постукивал ножкой, похлопывал моими документами по ладони и спрашивал, что будем делать. Я аккуратно выдернул из его рук свои документы, положил их в карман и сказал, что мы сейчас поедem к начальнику ГАИ. И пускай тот рассудит: если я не прав, то плачу любой штраф; если не прав капитан, то я добьюсь самого строгого взыскания для него за вымогательство. Инспектор, подумав, сказал, что начальника он уже сегодня видел и что встречаться с ним снова в его планы не входит. Я посоветовал ему быть осторожным в его поползновениях. На этом мы и расстались.

Следует заметить, что при всеобщей образованности советские люди были катастрофически безграмотны (да и сейчас также) в правовом отношении. Мало кто знал даже Конституцию СССР. Не говоря уж о положениях других руководящих документов, определяющих нашу гражданскую жизнь и служебную деятельность (я не имею в виду военных). Мы не знаем своих прав и не умели их отстаивать. Большинство из нас.

Как-то еду по загородному шоссе. Вечереет. Включаю наружное освещение. На ближайшем посту ГАИ останавливают:

– С вас «червончик!»

– За что?

– У Вас не горит передний габарит.

– Какой?

– Правый.

– Спасибо за подсказку. Я сейчас заменю лампочку. А насчет «червончика» я вынужден Вас разочаровать. «Червончика» не будет. В Правилах дорожного движения говорится о запрещении эксплуатации автомобиля с неработающим левым габаритом.

Инспектор пробормотал что-то вроде: «Все умные стали. Работать не с кем». После чего отпустил.

В следующий раз возвращаемся всем семейством с грибов по Киевскому шоссе в Москву. Перед Внуковым нас остановил сержантик и так игриво сказал, что я пьян и что в салоне все пьяные, включая детей. Физиономии у всех были красные. Но это и понятно: полдня в лесу, на осеннем солнышке и на ветру. Сержант сказал, что сейчас поедem на освидетельствование в медпункт аэропорта Внуково. Потом попытался занять водительское место, чего я сделать не дал, заявив, что ему право определения состояния водителей не дано, что этим занимаются медики. Что, пока они не вынесли решения, ему придется довольствоваться пассажирским сиденьем. Сели мы и поехали. При этом я сразу же развернул машину в сторону, обратную от медпункта. Сержант заерзал в кресле и стал интересоваться, куда мы едем. Я ответил, что на освидетельствование, которое может провести не только врач, но и командир дивизиона ГАИ, где он служит. Парень понял, что вляпался, вжался в сиденье и замолчал до конца поездки. Подъехали мы к зданию ГАИ, я взял его за руку и привел в кабинет командира. Предъявил подполковнику свои документы и рассказал, в чем суть вопроса. Подполковник

наорал на сержантика, обещал содрать с него три шкуры. Он сказал, что тысячу раз объяснял своим подчиненным, как надо вести себя на дороге, предъявлять претензии водителям, имея для этого достаточно оснований. Затем он сказал, что «такой» человек, да еще на «такой» машине, да еще с семьей ездить пьяным не может. Машина по тем временам была, действительно, «такой» – новая «Волга» ГАЗ-24 черного цвета. Потом он выгнал сержантика из кабинета и обратился ко мне. Он сказал, что работать не с кем из-за низкого престижа и зарплаты в ГАИ, что идет к ним одна шушера, безграмотная и невоспитанная. Потом он попросил меня как офицер офицера не раздувать это дело, ограничившись сообщением ему. Обещал крепко наказать парня, в чем я смогу лично убедиться, проезжая здесь в следующий раз. Одновременно он вернул мне мое водительское удостоверение для беспрепятственного движения по Киевскому шоссе. Расстались мы с подполковником, довольные друг другом.

Из числа моих негативных сторон в офицерских характеристиках отмечены две.

Первая – недостаточное овладение вверенной техникой. Конечно, я знал характеристики и возможности своей аппаратуры, мог на ней работать. Но начальству хотелось, чтобы я еще умел ее ремонтировать и настраивать. Но это было выше моих сил. Я ведь не инженер-электронщик, а оперативный офицер. Потом у разных людей различные склонности. Многие матросы, имевшие высшее образование и прошедшие годичную подготовку в специальной школе, не воспринимали «морзянку», не могли перехватывать радиотелефонию, слабо разбирались в технике. Кому что дано. Один из моих матросиков ну ничего не тянул по специальности. Зато все время участвовал в самодеятельности, выпускал стенгазету, радиогазету части, вращался вокруг замполита, командира. Пришлось его списать из моего боевого подразделения в хозяйственное. Когда по прошествии определенного количества лет я перевелся в Москву, включаю телевизор и вижу этого матросика на экране в качестве диктора центрального телевидения. Вот так! Мужик нашел свое призвание, окончил университет.

Второго «неумеху» я встретил впоследствии на Кубе в роли главного инженера Харьковского тракторного завода.

Второе отрицательное качество из характеристик – приоритет личных интересов над общественными. Утверждение спорное. Хотя в чем-то, честно говоря, резон и есть. В то же самое время справедлива мысль, что богатство общества прирастает богатством каждого человека, а не наоборот. Мне эта запись, сделанная в первой офицерской аттестации, мешала всю службу. Ибо на нее обращали внимание все начальники, цокали языками и начинали нравовучения.

А история этой несправедливой записи выглядит так. В 1955 г. я учился на офицерских классах. В это время выпустили очередной государственный займ. В газете «Правда» опубликовали обращение ЦК КПСС ко всем коммунистам с рекомендацией подписаться на облигации на сумму в один месячный оклад. Начальник же курсов полковник Магницкий, желая выслужиться, требовал от слушателей подписки на полтора оклада. Я отстаивал свое право подписываться в соответствии с указаниями ЦК, а не с указаниями начальства. Взамен получил бяку в характеристику. Коротко и ясно: «Личные интересы ставит выше общественных», если внимательно разобраться, кто из нас какие интересы ставил выше каких.

К указанным моим отрицательным чертам должен по-честному добавить еще кое-что – некоторую, например, ленность души и тела.

Несмотря на активную жизненную позицию, трудолюбие, этот недостаток все-таки порой проявляется. Так, мне было лень в училище пересдать четыре предмета с четверок на отлично с тем, чтобы получить при окончании золотую медаль, а от меня этого требовали. Я себя успокаивал тем, что золотая медаль хоть и показатель каких-то способностей, но не решающий фактор дальнейшей службы. И, действительно, у многих училищных медалистов не сложилась военная карьера – например, Беседин из первого выпуска. Долго его пинали на флоте за отсутствие любви к корабельной службе и неумение работать с личным составом. Пришлось

ему покинуть флот и переквалифицироваться в востоковеды, где он добился впечатляющих результатов. Медалист Барбарийский из нашего, четвертого, выпуска просто спился.

Затем я не пошел служить непосредственно на корабли, испугавшись трудностей. Не стал поступать в Военно-морскую академию в Ленинграде, чтобы не готовиться к сдаче шести весьма серьезных вступительных экзаменов. Жена настаивала, а я спустил это дело тихонечко на тормозах. Не воодушевился я и возможностью, как уже говорил, получения адмиральского звания вдали от милой и привычной Москвы. С получением офицерских погон перестал заниматься физкультурой, прекратил бегать, разучился быстро ходить. Даже одну остановку предпочитаю подъехать на чем-нибудь, лучше на своем авто. Некоторые шутят, что я и в туалет готов ездить на машине.

Отдельный разговор об алкоголе. Чего греха таить – люблю выпить. Но алкоголиком или пьяницей себя не считаю. Хотя отдельные товарищи типа бабушки утверждают обратное. Патологической тягой выпить не обладаю, похмельный синдром отсутствует напрочь, в одиночестве никогда не пил. В потреблении спиртного меня интересует не конечный результат – хмельное состояние, а сам процесс. Своего рода ритуал. Люблю хорошую компанию. Поэтому меня легко совратить. Но это касается только друзей, товарищей. Со случайными людьми никогда не выпивал. Жидкостей неизвестного происхождения, а также подозрительных не употребляю. В молодости мог выпить весьма много без особых последствий. Неприятности на этой почве имел только один раз в жизни, в училище. В ходе офицерской службы: «В пьянстве не замечен, хотя иногда, по утрам, холодную воду пил». Выпивал один-два раза в месяц, умеренно. Раз в год примерно появлялось желание выпить как следует, «размагнититься». Но благодаря бдительности моей жены – Валерии Петровны – многие мои поползновения по этой части оказывались безрезультатны.

Жизнь моя за время службы подвергалась опасности трижды.

Впервые, когда мне пришлось утихомиривать своих собственных перепивших матросов, в моем подразделении были подвижные радиопеленгаторы, развернутые вне части, в полях и лучах. На пеленгаторах неслось боевое дежурство, являвшееся важным компонентом нашей деятельности. Контроль за несением службы на этих боевых постах осуществлялся эпизодически в силу их удаленности. Поэтому я использовал любую возможность для плановых и внезапных проверок. Однажды, будучи дежурным по части, я решил проверить несение вахты на пеленгаторах и отправился туда с помощниками на грузовой машине. Картина, которую мы там застали, была удручающей. Все братцы-матросики были мертвецки пьяны. Они отмечали день Военно-морского флота. Пришлось отстранять всех от несения службы и вызывать им замену. Большинство приняло этот удар судьбы смиренно. Но один из матросов, несший вахту на силовых агрегатах, забуянил. В целом он был положительным парнем, готовился вступить в партию. Но «зеленый змий» его подвел. Ничего не соображая, он катался по земле, ползал у моих ног, целовал ботинки, просил прощения, ругался и убеждал, что я не имею права так поступать с будущим товарищем по партии. Мне надоели его словоизлияния, и я приказал помощникам связать его. Это ввергло его в дикий раж, он схватил лом и, размахивая им, двинулся на меня. Ощущение не из приятных: двухметровый лом в руках двухметрового верзилы, не соображающего ничего. Пришлось достать пистолет и выстрелить в воздух, что, впрочем, не произвело на него особого впечатления. Он продолжал наступать. К счастью, моим помощникам удалось нейтрализовать буяна, связать его руки и ноги и загрузить в машину. А мне не пришлось открывать огонь на поражение. Вот такие пироги, таковы плоды нашего просвещенного воспитания. Потом в части долго решали, что делать с этим «орлом». Командир и замполит настаивали на отдании его под суд военного трибунала. Я же проявлял человеколюбие, не желая вешать судимость на свое подразделение, а также жалея молодого парня, прослужившего четыре года без особых нареканий. Моя точка зрения возобладала. Военный дознаватель части провел внутреннее расследование без участия военной прокуратуры. Мои действия были

признаны правомерными. Матросику же вменялось нахождение на боевом посту в нетрезвом состоянии и попытка неподчинения офицеру. Получил он свои двадцать суток ареста, отсидел на гарнизонной гауптвахте и последний, пятый, год службы был тише воды и ниже травы. Победило милосердие, что, может быть, и не совсем правильно. В таких случаях я вспоминаю британского премьера Черчилля, который говорил, тыкая пальцем на восток: «Пока у них правит человек, а не закон, порядка там не будет». В приведенной ситуации главную роль сыграл человек, именно я, а не закон, в соответствии с которым матросу грозило 5-6 лет заключения. Но я был доволен и гордился проявленным гуманизмом.

В другом случае ко мне и моим коллегам подбиралась стихия. Мы возвращались в Балтийск со Средиземного моря. Там вели наблюдение за американцами в ходе первого в истории 6 флота США учения оперативного авианосного ударного соединения на отработке действий в начальный период войны. Наш разведывательный корабль был небольшим судном, водоизмещением всего 300 тонн, переделанным под наши нужды из рыболовного траулера типа «юггер». Мы очень плодотворно поработали в Средиземном море, толкаясь две недели среди авианосцев, крейсеров, фрегатов и прочих. По сравнению с ними мы были просто козявкой, но в наглую крутились среди них, подняв сигналы – «Следую с страхом» или «Потерял управление». Мы так надоели своим начальством американцам, что они грозили нам кулаками с борта своих кораблей. На большее они не решались. Забегая вперед, скажу, что труд наш получил высокую оценку. Многие получили ордена, мне же это по молодости лет достались золотые часы от министра обороны.

Так вот, идем мы днем в Атлантике, вдоль берегов северной части Португалии. Впереди – Бискайский залив. Тишина, солнышко, штиль, благолепие. Слушаем береговые радиостанции, обеспечивающие мореплавание в этом районе. Неожиданно, это при такой-то погоде, слышим штормовое предупреждение о надвигающемся шторме от норд-оста силою 11 баллов. Одновременно всем судам рекомендовалось укрыться в портах, заливах, бухтах. Но куда нам укрываться в иностранных водах, коль на борту у нас масса аппаратуры, не оставляющей сомнений в ее предназначении, куча секретных документов.

Командир корабля принял решение следовать прежним курсом домой, т. е. навстречу шторму. К вечеру вошли в Бискайский залив, погода испортилась, стало прилично покачивать. Поскольку я ходовой вахты не нес, пошел спать. Ночью проснулся от того, что меня выкинуло из койки, несмотря на защитное ограждение. Очнувшись на полу, я с трудом встал. Качало невероятно. Попытался зажечь в каюте свет. Он не включался, за бортом раздавался грохот волн. Привычного гула корабельного двигателя не прослушивалось. Кое-как я нашел и натянул одежду, сапоги, фуражку и отправился наверх для уточнения обстановки. В коридоре кают и в других помещениях света также не было. Продвигаться вперед приходилось с использованием цирковых приемов. С трудом выбрался в ходовую рубку. Там узнал, что вышел из строя дизель главной машины, а следовательно, остановился и основной электрогенератор, питающий бортовую сеть, аварийный генератор тоже не запускался. Узнал, что за бортом шторм 11 баллов. Высота волн – 12 метров (Фото 21 ниже). Нас разворачивает лагом, т.е. бортом, к волне. Слава богу, в рубке все агрегаты и приборы получали электроэнергию от аварийных аккумуляторов. Посмотрел на кренометр. Нас клало на каждый борт до 60°, а угол «заката» судна, к нему уже не возвратиться в вертикальное положение, – 72 °С. Положение критическое. В таких условиях не только невозможно ремонтировать двигатель, но и жить не хочется. Это при том условии, что морской болезнью я не страдал и качку переносил нормально. Обездвиженное судно на такой волне и ветре – прямая добыча подводного царства. Сразу вспоминались пушкинские строки: «Плыви, мой челн, по воле волн». А также морские легенды о Бискайском заливе как о «кладбище кораблей». Кроме того, в море виднелись сигналы судов, терпящих бедствие. Тоска!

Фото 21. Шторм в океане. 1960

Но нам крупно повезло. Командир корабля капитан 3 ранга Антонов умел не только управлять судном и зычным голосом подавать команды. Он являлся отличным моряком, прекрасно знавшим такую дисциплину, как «морская практика», и досконально владевшим вопросами борьбы за живучесть корабля. Под его руководством и при его непосредственном участии был применен для спасения судна способ, крайне редко используемый в век железного судостроения и большого тоннажа кораблей. Из запасного паруса, аварийных брусьев и прочих досок соорудили конструкцию на длинном тросе, закрепленном в носовой части корабля. За счет разности ветрового воздействия на «плавякорь» и корпус судна и разницы их сопротивления водной среде возникают силы, уводящие корабль под ветер. Так и произошло в этом случае. Судно развернуло, оно встало носом против ветра и волн. Бортовая качка здорово уменьшилась. Килевая – ввиду большой длины волн беспокоила меньше. Можно было работать, заниматься ремонтом. К утру шторм относительно стих. Дизель отремонтировали, и мы отправились своим курсом на Английский канал.

Волна по-прежнему была очень высокой, но уже без бурунов. Что-то вроде своеобразной «мертвой зыби». Выглянуло солнце. Мы любовались природой, уже не такой страшной, как ночью. Особенно впечатлял океан, когда корабль взмывал на вершину волны. Красивейшее зрелище: как будто ты находишься на высочайшем пике, а вокруг расстилаются черные хребты, освещенные солнцем. Моря, океаны сами по себе очень красивы в разную погоду, в них есть какая-то поэзия. Но в этот раз я особенно восхищался водной стихией. Тем более что после пережитого под ногами ощущался мерный стук дизеля, вселявший спокойствие и уверенность.

В следующий раз опасность подстерегала меня в воздухе. Я служил дежурным по разведке Центрального командного пункта Главкома ВМФ и одновременно входил в состав его выносного КП. Часто сопровождал главнокомандующего ВМФ, адмирала флота Советского Союза Горшкова в его поездках по стране, на флоты. Однажды мы летели несколькими слу-

жебными бортами из Москвы во Владивосток. На Тихоокеанском флоте планировались комплексная проверка и масштабное учение. Я находился на самолете АН-12 салонного типа, где старшим был заместитель Главкома по боевой подготовке адмирал Егоров, в скором времени ставший командующим Северным флотом, а затем председателем ЦК ДОСААФ СССР. В Красноярске у нас планировалась посадка для дозаправки и короткого отдыха экипажа самолета. Подлетаем к аэропорту Красноярска. Заходим на посадку. Не выпускается левая стойка шасси. Следующий заход, третий, пятый. Результат тот же. Начинаются различные воздушные пируэты, чтобы вышибить заклинившую крышку отсека левого шасси. Ничего не получается. Командир самолета по согласованию с наземными службами и побледневшим адмиралом Егоровым принимает решение производить посадку на «брюхо». Перспективка не из заманчивых. Летаем мы над аэродромом, выжигаем горючее, чтобы не взорваться при посадке на «брюхо». Смотрим вниз, а там всюду убирают в стороны самолеты, выстраиваются вдоль взлетно-посадочной полосы санитарные машины, пожарные, бульдозеры, краны и прочая техника. Все ждут, когда мы с грохотом приземлимся. Ну, думаем, сейчас будет дело!

Но и тут выручил высокий профессионализм и мужество экипажа. В полу салона самолета с помощью лома выломали крышку люка, которая была в стрессована намертво и не подлежала постоянному открытию. Через этот люк на стропях спустили под фюзеляж техника самолета старшину. Он с помощью того же лома сбил защелку крышки отсека шасси. Крышка открылась и выпустила стойку с колесом. Под дружные крики «Ура!» на земле и внутри самолета мы произвели штатную посадку. Адмирал Егоров на радостях объявил стоянку до следующего утра. Мы разместились в гостинице летнего состава, поужинали в ресторане и отправились осматривать красноярскую гидроэлектростанцию, с которой вряд ли когда пришлось бы познакомиться. Не бывает худа без добра.

Таким образом, основные параметры моей жизни и службы изложены. Осталось заметить только одно. После увольнения в запас и до сего дня я никогда и нигде не работал ни минуты. Резонно полагая, что коль скоро государству не нужен мужик в расцвете сил с колоссальными знаниями и опытом, приобретенными за 25 лет специфической работы, и оно устанавливает такие правила игры, то нечего дергаться. Раз я ему не нужен там, где я могу приносить ощутимую пользу, то не буду я приносить вообще никакой пользы. Одним словом, в управдомы, инженеры, коменданты и прочие я не переквалифицировался. Решил наслаждаться заслуженным отдыхом при сравнительно неплохой пенсии. Сосредоточился на решении семейных, домашних дел. Приступил к строительству дачи, которое захватило меня полностью на долгие годы.

Может быть, ограничение сроков службы возрастом имеет смысл. После 50 лет, конечно, начинает сдавать здоровье. Например, я в течение службы ничем по большому счету не болел, а с уходом на пенсию начались разные язвы и прочие инфаркты, а также другая хворь. А кому нужен такой «служака», отлеживающийся по полгода в госпиталях.

Ну вот, пожалуй, и все общие рассуждения. Теперь можно перейти к более подробному изложению жизненных обстоятельств.

Мирное детство в военные годы

Детство мое, как я уже говорил, не отличалось от детства других советских ребятишек из приличных семей.

Правда, из-за служебных перемещений отца нам часто приходилось менять место жительства. Ленинград, Днепропетровск, снова Ленинград, Запорожье, Ленинград, Сталинск. Из ранних детских впечатлений помню эти поездки (Фото 22 ниже). До сих пор помню нашу квартиру в профессорском доме Ленинградского политехнического института в Лесном. Где я, возвращаясь с прогулки во дворе, радовал родителей новыми познаниями в ненормативной лексике русского языка. На вопрос родителей, где я это слышал, отвечал, что у дяди Васикочегара, который научился у моего друга по детсаду Юрки. Помню убийство Кирова в декабре 1934 года. Первую в моей жизни новогоднюю елку, которую советская власть допустила впервые после Октябрьской революции. С удовольствием вспоминаю проведение родительских отпусков в Луге, городе их детства и юности. В это время по предварительному договору в Лугу собирались многочисленные друзья и родственники, проживающие в других местах. Все были молоды, задорны, веселье било ключом. Любили совместные походы в лес, по грибы, ягоды. Часто купались в речке Луга, протекавшей рядом с домом. Наволочками ловили пескарей. Играли в волейбол, крокет, бильярд, теннис, в том числе настольный. Устраивали велосипедные вылазки. Пикники на природе. Катание на лодках. Впервые я увидел в Луге бывший шикарный дом моих дедушки и бабушки. Теперь он принадлежит государству, и в нем размещается какое-то учреждение. Помню совместные чаепития за огромным столом под яблонями в саду. Возле нашего самовара появлялись и весьма известные на всю страну люди. Например, лирический эстрадный певец Козин, любимый интеллигенцией. Замечательная оперная певица Мариинского театра Преображенская. Вообще, г. Луга выпестовал многих талантливых личностей. Всех не упомянуть. Непременными участниками всех этих мероприятий были и мы, детвора.

Фото 22. Крым, Чёрное море. Ужанов Виктор Францевич, Аркадий Викторович Ужанов, Тамара Аркадьевна Михайлова. 1934

Однажды мы с родителями поехали на велосипедах к знакомым в деревню, в 10-15 километрах от Луги. Ехали по асфальтовому шоссе, которое пролегалo по пересеченной местности. То холм, то низина, то холм, то низина. Батюшка и матушка – взрослые люди, и, конечно, они крутили педали энергичнее меня. Мне было в ту пору лет десять-одиннадцать. В какой-то момент я понял, что безнадежно отстаю от родителей. Выезжаю на холм – они уже на гребне следующего, выбираюсь на очередной – их уже вообще не видно. Я расстроился, расплакался: «Как же родители бросили ребенка посреди дороги». Тут я осознал, какие ощущения возникают, когда остаешься без родителей. Еду я, плачу, слезы утираю, соплю размазываю: «Ведь один же остался на белом свете». Поднимаюсь на очередной пригорок, и, о радость, вижу предков, отдыхающих на травке. Они осознали, что я отстал, и поджидали меня. Они меня кое-как успокоили, но не преминули заметить, что теперь я знаю, как плохо без родителей.

Как и большинство детей, я обожал своих отца и мать и скучал без них и нашего дома. В Сталинске я был с детским садом на даче. Благодать божья! Забота, уход. Кругом природа. Цветущие луга. Леса, полные клубники и дикой черной и красной смородины, кедровые орешки. Но я тосковал по папе и маме. Когда они приезжали навестить меня, я просил их забрать меня домой. На вопрос «почему?» отвечал: «Здесь мухи кусаются».

В 1937 году отца перевели в Москву, как я уже говорил, на весьма солидный пост. Несколько месяцев мы прожили в номере «люкс» лучшей тогда гостиницы «Москва». Поскольку все устали от респектабельного образа жизни в гостинице, решили не дожидаться получения отдельной квартиры. Въехали в три комнаты «по уплотнению» в квартиру самого репрессированного «врага народа», профессора Баженова. Вообще-то, он был дворянином и в прошлом – царским офицером, так что «пришить» ему можно было что угодно. В советское время он, будучи крупным специалистом в области техники радиосвязи, трудился вместе с Туполевым над оборудованием самолетов последнего, радиостанциями и прочей аппаратуры. Вместе их и замели. Только, в отличие от Туполева, который выкарабкался, профессор Баженов сгинул в лагерях. В 50-е годы он был посмертно реабилитирован. Его семья даже получила какую-то компенсацию за его загубленную душу. Его жена, Екатерина Дмитриевна, как и моя бабушка, окончила Смольный женский институт, значит, и она была непростого происхождения. Очень любила рассказывать салонные, совсем не смешные анекдоты. Типа: по улице спешит модистка с картонной коробкой, ее случайно задевает молодой человек. Он говорит: «Мадам, я Вас, кажется, толкнул. Пардон». Она отвечает: «Не в картон, а прямо в бок». Ха-ха-ха! В целом соседка была милой женщиной, доброжелательной и отзывчивой. Как и положено аристократичному и интеллигентному человеку. Прекрасно знала английский, французский и немецкий языки. И, вообще, много знала. При своем интеллекте и образовании в советское время работала надомницей по изготовлению искусственных цветов. Ведь ей приходилось содержать двух детей не намного старше меня.

Дочь ее, Татьяна, несмотря на статус дочери «врага народа», училась почему-то в одном классе со Светланой Сталиной. Затем она окончила Московский университет. Подалась в науку, стала академиком, директором института физики высоких энергий АН СССР. Ее брат Димка, мой приятель, также пошел по научной части.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Уже 1 июля наша семья в полном составе направлялась в эвакуацию, в Челябинск, в одном из эшелонов Наркомата боеприпасов. С утра мы прибыли на погрузочную площадку. Поскольку эшелон уходил вечером, родители укатали в город. Без них началась посадка и погрузка вещей. Нас с няней – Люленькой – дюжие мужики запихали вместе с вещами в вагон. Естественно, под мой дикий рев. Затем состав

тронулся и опять без моих родителей. Они где-то задержались и были вынуждены догонять состав на легковой машине. Где-то уже довольно далеко от Москвы семья воссоединилась. А то я уже было начал вспоминать, как меня пытались бросить на велосипеде под Лугой, о чем я уже говорил.

Вообще, мои родители были вроде организованные люди. Да иначе и быть не могло. Отец – военный при очень точном боеприпасном деле, мать – хирург по женской части, где каждое движение должно быть точным и своевременным. Но вот со временем и некоторыми деталями бытия они ладили не всегда. Когда я, уже будучи взрослым, ехидничал по этому поводу, отец говорил: «Аркаша, это правда, что я никогда никуда не приходил вовремя, но я никогда и никуда не опоздал».

Но это ему так казалось. Помню, когда мы жили в Сталинске, родители ездили на отдых в военный санаторий на Алтае. Конечно, заволынились дома, на вокзал прибыли, когда поезд уже трогался. Отец на ходу посадил маму в один вагон, чемодан сунул в следующий, второй чемодан – в третий вагон, а сам запрыгнул в четвертый. Когда они добрались до своего вагона и собирались занять свои места, отец сказал маме, что сейчас рассмешит ее. И, действительно, рассмешил, сказав, что забыл дома билеты, деньги, путевки и документы. Веселились они до упаду. Хорошо, что в те времена люди были другие и доверяли друг другу больше. Начальник поезда, войдя в положение командира Красной армии, разрешил ехать без предъявления билетов. Тем более что на родительские места никто не претендовал. Начальник санатория также без формальностей позволил разместиться. Встреченные приятели одолжили денег, и жизнь у них потекла обычным чередом. Потом мы переслали предкам все забытое.

По прибытии в Челябинск всех эвакуированных размещали в порядке уплотнения в различные квартиры. Разумеется, свободных квартир тогда, как и сейчас, не было. Нашу семью приютил старый друг отца по военной академии Владимир Егоров. Он работал начальником военной приемки челябинских оборонных заводов и имел прекрасную четырехкомнатную квартиру в обкомовском доме. Когда Егоров перевелся к новому месту службы, на его площадь вселилась семья третьего секретаря челябинского обкома партии.

Жили мы в Челябинске неплохо. Хотя, так же как и всем, приходилось испытывать какие-то трудности. Война есть война. Карточная система, очень расчетливое ведение домашнего хозяйства, недостаток продуктов. Приходилось ездить по окрестным деревням, меняя свою пожитки на различное продовольствие. В Челябинске я учился в 5-м и 6-м классах. Состоял в тимуровской команде школы. Ходили с ребятами помогать по хозяйству бабушкам и женщинам, чьи мужчины воевали. В это время я освоил верховую езду на лошади. Опять же впервые попробовал курить и даже один раз выпить. Мама, как я уже говорил, в Челябинске сделала стремительную карьеру, сметая на своем пути разное жулье и просто недобросовестных работников. В феврале 42-го года мне сделали операцию по удалению аппендицита, при этом в отделении гинекологии больницы, которой в это время уже заведовала мама. Операция прошла нормально. На третий день я уже ремонтировал кучи больничных радионаушников, помогал в отделении по хозяйству. На пятый день уже лазал по стогам сена на конном дворе больницы, а также обследовал битую военную технику в эшелонах, стоящих рядом с больницей. Одним словом, с меня как с гуся вода. Мама же ужасно волновалась за меня и преждевременно родила мне братишку Натана.

Отец в начале 42-го года перебрался в Москву. Почти сразу после разгрома немцев под Москвой, через несколько месяцев войны выяснилось, что трудно управлять огромной страной через наркоматы, разбросанные эвакуацией по разным городам Советского Союза. Все наиболее важные наркоматы создали оперативные группы во главе с наркоматами, которые возобновили деятельность в столице.

В Челябинской области я первый, и теперь можно сказать единственный, раз в жизни увидел огромные степные соленые озера. Интересное природное явление. На берегу такого озера чувствуешь себя как у моря.

Также с удовольствием вспоминаю пребывание в пионерском лагере на озере Кисегач. Озеро очень большой глубины и с кристально чистой водой располагалось между красивейшими горными хребтами и окружено было тайгой. В лесу, естественно, полным-полно разных грибов, ягод, кедровых орешков. В озере – разнообразные виды рыб, колоссальное количество раков. При этом их размеры и количество никогда мне больше в жизни не встречались.

Пионерский лагерь мало был похож на привычный лагерь. Скорее, он был пансионатом для детей высокопоставленных сотрудников Южно-уральской железной дороги. Нас, «пионеров», было всего 36. А лагерной obsługi – 40 человек. Нас там кохали и лелеяли. Все было подчинено нашим интересам. Разными культмассовыми мероприятиями нам не докучали. Мы ловили рыбу, раков, собирали дары леса, катались на лодках и водных велосипедах. Любили слушать местных жителей о страшных легендах, связанных с озером Кисегач. Одним словом, война шла, но для нас она была далекой и мало осязаемой.

В первой половине 1943 года, после победы под Сталинградом, мы вернулись в Москву, к отцу.

Здесь была, конечно, совсем другая обстановка – суровая, военная. Здесь война чувствовалась. Сосредоточенные и усталые лица прохожих. Военные патрули на улицах. Колонны военной техники и войск, следовавших через Москву. Комендантский час. Ограничения в использовании газа и электричества, хуже с продуктами. Светомаскировка, за соблюдением которой тщательно следили. Заклеенные крест-накрест полосками бумаги оконные стекла. Еще продолжались бомбежки Москвы. Хотя запал у немцев был уже не тот. Наша истребительная авиация, зенитная артиллерия, аэростатные заграждения успешно противостояли вражеским бомбардировщикам. Редко кому из них удавалось прорваться в воздушное пространство Москвы. О прицельном бомбометании уже не могло быть и речи. Немецкие самолеты судорожно металась в перекрестиях лучей заметных прожекторов и хаотично бросали бомбы. Конечно, и в этом случае они наносили какой-то удар, особенно фугасные бомбы. Через один дом от нашего начисто разворотило здание бывшего посольства Латвии. В него попала 500-килограммовая фугасная бомба. С зажигательными бомбами москвичи приноровились бороться. И мы, пацаны, с восторгом помогали взрослым дежурить на своих домах, сбрасывать зажигалки с крыши на улицу, тушить их на чердаках. Было интересно наблюдать, как падают сбитые фашистские самолеты. Иногда летчики выпрыгивали с парашютами. Но их судьба была предсказуема, так как их всегда сопровождал луч прожектора, очень суровые и полные лишения времена войск. Для миллионов людей нашей страны они были трагическими. Но они были наполнены оптимизмом и верой в Победу, которая закономерно и заслуженно пришла. У тех, кто все это пережили, никогда не сотрутся в памяти воспоминания и чувства торжества.

С разгромом немцев на Курской дуге летом 1943 года Москву бомбить перестали. Фашисты выдохлись. Да и наша авиация не давала им возможности подниматься с аэродромов и громила их на земле. После отката немцев дальше, на запад, в Москве стало полегче. Отменили многие ограничения. Стало полегче с продовольствием. Началось восстановление разрушенного.

Знаменательным событием московской жизни тех дней был показательный провод по Садовому кольцу 56 тысяч пленных немецких генералов, офицеров, солдат, следовавших под усиленным конвоем. Кроме того, вдоль тротуаров Садового кольца были выстроены цепи наших солдат во избежание каких-либо инцидентов, а они могли быть. Собралась на это зрелище вся Москва. Даже с работы большинство отпустили специально для этого – сотня тысяч, а, может быть, и миллионы людей. Мы с пацанами, конечно, пробрались в первые ряды у Красных ворот. Вели немцев огромными колоннами. Впереди генералы, затем офицеры, потом сол-

даты. Брели они понуро и обреченно. Еще бы! Их демонстрировали как в зоопарке. А впереди маячили долгие годы принудительного труда на восстановлении разрушенного народного хозяйства нашей страны. Отношение к пленным со стороны зрителей было неоднозначным. Многие плакали, ругались, плевали на немцев, некоторые норовили прорваться через кордон и пнуть кого-нибудь из «немчуры». Были и такие, что сочувствовали им, жалели их по нашей, русской сердобольной натуре. Кое-кому удавалось через плечи наших солдат сунуть поверженному противнику кусок хлеба, пирожок, табак. Шествие это длилось несколько часов, было отражено прессой и запечатлено кинохроникой. Сведения об этом событии всколыхнули всю страну, придали ей новые силы. Народ на Западе визжал от восторга в кинозалах. Тем более что прохождение пленных заканчивалось движением следом колонны из сотни поливальных машин, что должно было символизировать смывание грязи после этой нечисти. Это был сильный пропагандистский ход.

Дом наш находился в центре Москвы – в Большом Харитоньевском переулке, между Чистыми прудами и Красными воротами. Кстати, переулок этот упоминается Пушкиным в «Евгении Онегине» как место размещения городской усадьбы Лариных.

Построен дом был в начале 30-х годов XX столетия и являлся одним из первых кооперативных домов в Москве. Поэтому в нем жили весьма состоятельные люди из числа интеллигенции. Например, имеющие мировую известность академики Чаплыгин, Чудаков, знаменитый полярник Кренкель, писатель-сатирик Дыховичный и прочие. От медных табличек на дверях квартир указанных там знаменитых фамилий, званий, степеней, должностей в глазах рябило. Это были представители новой советской интеллигенции, доставшиеся стране от дореволюционных времен. Прислуга так и мельтешила по этажам. Кроме персональных домработниц, была и общая обслуга. Домуправ, слесаря, столяры, стекольщики, кочегары, дворники. Стоило нам, ребятам, выбить какой-либо старушке на первом этаже стекло футбольным мячом, как оно тут же вставлялось, без лишнего шума и разбирательства. Дети имели право иметь детство. При доме был свой магазин. В довоенные и послевоенные годы он функционировал как часы. Неутомимый разносчик – дядя Петя – тихо делал свое доброе дело. К 6 часам утра каждый день у дверей квартир появлялось требуемое количество бутылок молока и кефира. Беззвучно. В 7 часов утра дядя Петя уже звонил в каждую квартиру, получал за доставленный ранее товар, предлагал горячие французские булочки по 7 копеек и другую выпечку. Позднее появлялся с корзинами мяса, рыбы, масла и прочей бакалеи. Вид у дяди Пети был импозантный: в белой куртке, белых перчатках и белой панаме. Как в лучших домах Парижа.

Домовая уборщица, тетя Женя, естественно, каждый день с раннего утра мыла подъезды, протирала пыль, чистила перила, окна. По мере возможности боролась с нами, пацанами. Правда, мы ничем особым и не отличались. Вандализма, который привычен в теперешних московских подъездах, не было и в помине, несмотря на всю нашу шустрость. Вот что значит дворянское происхождение и аристократическое воспитание. Нынешняя «лимита», наводнившая Москву, напоминает жителей нью-йоркского Гарлема.

Да, почти у каждой квартиры были «свои» молочницы. Они привозили из Подмосквы молочко «из-под коровки», свежайшие творог и сметану истинно деревенского происхождения. Одновременно они забирали приготовленные картофельные очистки, отходы овощей, черствый хлеб, остатки другой пищи на корм скоту. Вот такой незатейливый товарообмен ко всеобщему удовольствию.

Двор нашего дома был обнесен забором высотой 4 метра. Ворота были всегда закрыты на замок. Калитка запиралась на ключ. Имелся звонок, оповещавший дворника о прибытии кого-то. Дворник с семьей проживал в специальной служебной квартире первого этажа рядом с воротами. Услышав звонок, дворник немедленно появлялся у калитки, невзирая на время. Признав своего жильца, открывал калитку. Становился во грунт, правой рукой брал «под козы-

рек» своего лохматого треуха и говорил: «Здравия желаю». Одновременно подставлял левую руку под материальную компенсацию беспокойства. Правда, не нагло. При отсутствии мелочи или по какой-либо другой причине можно было сделать вид, что ты не заметил его жеста. Дворник наш, дядя Володя, был ярким образцом старорежимного служаки, уникальным осколком проклятого, но прекрасного прошлого. Невысокого роста, плотного телосложения, с гренадерскими усами пшеничного цвета, он пользовался уважением и даже любовью жильцов дома. Многие, в том числе маститые академики, считали возможным остановиться возле него и перекинуться парой слов. При этом дядя Володя принимал стойку «смирно», понимая, на каких уровнях идет разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.